

Пандократорскій константинопольскій монастырь XII в. и его Типикъ, данный императоромъ Іоанномъ Комненомъ ¹⁾).

Знаменитый „царскій“ (βασιλική μονή) Пандократорскій монастырь, не смотря на грандіозность и великолѣпіе своихъ построекъ, удивлявши. ъ и поражавшихъ паломниковъ древности, и на то значені, какое онъ имѣлъ въ ряду другихъ извѣстныхъ константинопольскихъ монастырей, не имѣетъ до настоящаго времени обстоятельнаго историческаго очерка. Въ самыхъ послѣднихъ работахъ по изученію „византійскихъ церквей и памятниковъ Константинополя“ повторяется еще старое мнѣніе ²⁾, что основательницею этого монастыря была

¹⁾ Изъ книги, приготовленной къ печати: „Описаніе литургическихъ рукописей, находящихся въ восточныхъ книгохранилищахъ“ т. I. ч. I.

²⁾ Типиконъ Пандократорскаго монастыря, хотя настойчиво говоритъ объ императорѣ Іоаннѣ Комненѣ, какъ ктиторѣ его, и никакой роли въ этомъ дѣлѣ не признаетъ за благочестивою его супругою императрицею Ириною, мы тѣмъ не менѣе не прочь считать послѣднюю за создательницу и даже инициаторшу въ дѣлѣ построения настоящаго монастыря. Основанія для этого мы находимъ прежде всего въ трогательномъ разказѣ Синаксаря, подъ 13 числомъ августа положившаго праздновать память императрицы Ирины, какъ основательницы Пандократорскаго монастыря (Μνήμη τῆς ἀοιδίμου καὶ παμμακαρίστου βασι-

супруга императора Иоанна Комнена Ирина, въ монашествѣ Ксенія, скончавшаяся въ 1124 году, а о монастырѣ сообщаются, при всемъ усиліи изслѣдователя ихъ, свѣдѣнія далеко не полныя. На основаніи Типикона Пандократорскаго

λίσης καὶ κτητορίσης τῆς σαβασρίας μονῆς τοῦ Παντοκράτορος Σωτῆρος Χριστοῦ Εἰρήνης, τῆς διὰ τοῦ ἀγίου καὶ ἀγγελικοῦ σχήματος μετονομαθείσης Ἐένης μοναχῆς), а затѣмъ и въ самомъ Пандократорскомъ Типикѣ 1136 года. Описывая рѣдкія душевныя качества этой счастливой матери императрицы, подарившей своему супругу восемь человѣкъ дѣтей—четырехъ мальчиковъ и четырехъ дѣвочекъ, Синаксарь отмѣчаетъ въ императрицѣ глубокую искреннюю набожность и безпредѣльную любовь къ благотворительности, плодомъ коихъ и явилось у нея горячее желаніе устроить прекрасный монастырь, который своими храмами и благотворительными учрежденіями при немъ—страннопріимницами и богадѣльнями долженъ былъ превосходить все другіе византійскіе монастыри (τὴν βασιλικὴν μονήν, τὴν ἐπονομαζομένην τοῦ Παντοκράτορος, αὐτὴ ἔκτισεν ἢ αἰοίδιμος ἐκ θεμελίων ὁμοίως καὶ τοὺς νῦν ὀρωμένους περικαλλεῖς ναοὺς, καὶ τὰ ξενοδοχεῖα καὶ γηροκομεῖα, τὰ ὅποια ὑπερέβησαν τοὺς τε ἀρχαίους ναοὺς καὶ τὰ ἀρχαῖα ξενοδοχεῖα καὶ γηροκομεῖα, καὶ τὰ νέα, κατὰ τὴν τοποθεσίαν καὶ ὡραιότητα). Главнымъ архитекторомъ, подъ надзоромъ котораго производились эти сооруженія, былъ лично извѣстный императрицѣ архитекторъ *Никифоръ*, названный въ Синаксарѣ „новымъ Веселеиломъ“. Послѣ окончанія построекъ монастыря вчернѣ, когда наступили затруднительныя финансовыя обстоятельства, императрица рѣшилась привлечь къ дѣлу довершенія задуманныхъ сооруженій этого монастыря и самого императора. Однажды, по разсказу Синаксаря, императрица Ирина, взявъ подъ руку императора, ввела его внутрь храма Пандократора и, павъ предъ нимъ на землю, преклонила голову къ самому полу и со слезами произнесла: „прими, государь, сей храмъ, сооруженный Богомъ, подъ свое покровительство“ (διὰ τὴν χάριν σου) Императрица не хотѣла подняться съ полу, пока не услышала

монастыря 1136 года мы констатируемъ теперь фактъ, что ктиторомъ этого монастыря былъ императоръ Іоаннъ Комнень, пожелавшій устроениемъ въ немъ великолѣпныхъ храмовъ и образцовыхъ благотворительныхъ заведеній 1) выразить благодарность Богу и пресвятой Богоматери за тѣ многократныя милости, которыя онъ получалъ отъ Нихъ, то въ видѣ блестящихъ побѣдъ надъ персами, скиѣами, далматами, даками и другими народами, то въ видѣ неожиданныхъ и счастливыхъ раскрытій коварныхъ замысловъ и опасностей со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ его враговъ, друзей и даже близкихъ родственниковъ (стр. 656); 2) приобрести постоянныхъ молитвенниковъ о своихъ грѣхахъ и о грѣхахъ другихъ

изъ устъ царя согласія н. ея просьбу. Тронутый слезами и горячею мольбою супруги, императоръ далъ обѣщаніе, которое и выполнилъ блистательно, поставивъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящій монастырь въ число первенствующихъ (ἐπρώτους μεταξὺ ὄλων τῶν μοναστηρίων τῆς Κωνσταντινουπόλεως) въ Константинополѣ (Συναξαριστῆς τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ ὑπὸ Νικοδήμου Ἀγιορείτου ἐν Ζαχωνθ. 1868, т. γ'. сел. 240—242). Синаксарь прибавляетъ, что императрица, скончавшись въ Виѣини, была погребена въ основанномъ ею монастырѣ (Αὐθ. сел. 242), или, какъ точнѣе указываетъ нашъ Типикъ, въ усыпальномъ храмѣ въ честь Архангела Михаила (стр. 658, 664, 677, 680).—Гробъ императрицы Ирины въ Пандократорскомъ монастырѣ, неоднократныя и настойчивыя внушенія императора Іоанна Комнена монахамъ этого монастыря чествовать память своей умершей супруги (стр. 681 и др.) и различныя стяжанія—„διάφορα κτήματα“, оставленныя монастырю (стр. 698), какъ гласитъ нашъ Типикъ, покойною императрицею,—все это факты, краснорѣчиво говорящіе, по нашему мнѣнію, за то, что она была связана съ монастыремъ не именемъ только, какъ супруга ктитора, но и болѣе интимными и живыми личными отношеніями, въ качествѣ виновницы бытія даннаго монастыря и того цвѣтущаго положенія, въ какое онъ приведенъ, по волѣ ея, императоромъ Іоанномъ Комненомъ.

многочисленныхъ членовъ своего дома (стр. 657), находящихся въ живыхъ и умершихъ (стр. 662—663) (въ числѣ послѣднихъ императоръ называетъ отца своего, бабушку, мать и *супругу* (τῆς μακαριστάτης δεσποίνης καὶ συζύγου μου). (стр. 662, 679, 680, 681); и 3) при жизни создать себѣ памятникъ и указать мѣсто для погребенія себѣ, женѣ, своему сыну Алексѣю и членамъ своей фамиліи (667, 680, 681, 663). Въ виду столь высокихъ цѣлей даннаго сооруженія, Іоаннъ Комнень не жалѣлъ богатствъ императорской сокровищницы и устроилъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовый и даже блестящій монастырь.

На основаніи сказаній въ Синаксарѣ, краткихъ и отрывочныхъ замѣтокъ о монастырѣ Пандократора у нашихъ древнихъ паломниковъ очевидцевъ и описаній въ самомъ Типиконѣ литаній съ иконою Богоматери Одигитрии и все-нощнаго бдѣнія на гробахъ императорской фамиліи и въ храмѣ Богоматери Милостивой (стр. 677), совершавшихся еженедѣльно въ пятницу и въ ночь на субботу, картина расположенія настоящаго монастыря рисуется въ такомъ видѣ. Монастырь былъ построенъ недалеко отъ храма св. апостоловъ, на возвышенномъ четвертомъ холмѣ, въ X густо населенной (τὸ συχχυμένον τῶν οἰκήσεων) (стр. 695) части города, съ прекраснымъ видомъ на окружающую мѣстность¹⁾, и занималъ довольно значительную площадь, опоясанную высокими стѣнами съ двумя воротами, изъ коихъ „заднія“²⁾ или „другія“³⁾ вели въ монастырь Пандократора (πόλη τῆς

¹⁾ Νικόδημ. Ἀγιορειτ. Συναξαριστῆς τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ τ. γ'. σελ. 241.

²⁾ О „переднихъ“ и „заднихъ вратахъ“ настоящаго монастыря говоритъ архіепископъ новгородскій . Антоній (П. Савваит. Путешеств. въ Царьградъ XII стол. стр. 146—147).

³⁾ Болѣе обстоятельное описаніе Пандократорскаго монастыря и болѣе ясное указаніе на *двое врата* его мы находимъ

μονῆς) и были доступны лишь однимъ мужчинамъ (стр. 671), а „преднія“ или „первая“, находясь вблизи двери въ храмъ Богоматери Милостивой (ἀπὸ τῆς πύλης τοῦ, ναοῦ τῆς Ἐλεούσης), открывались по нуждѣ иногда и для женщинъ, когда, напр., онѣ являлись въ монастырь для погребенія монаховъ родственниковъ, или для поминовенія ихъ (стр. 671). Фасадомъ монастыря служилъ фасадъ храма Богоматери Милостивой. „Надъ враты“ иаренкса его находился и „Спасъ мусією утворенъ, великъ образъ и высокъ“ (τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ, τὴν πρὸ τῆς πύλης τοῦ νάρθηκος). На открытой площади предъ храмомъ стоялъ фіаль (φιάλη) съ водою для утоленія жажды путниковъ и богомольцевъ (стр. 677, 679).

Главный храмъ въ монастырѣ былъ посвященъ все-сильной Премудрости Божіей (τῇ παντοδυναμῶ σοφίᾳ σου) (стр. 656, 702) или Вседержителю и имѣлъ, кромѣ алтарнаго абсида съ углубленіемъ (μύαξ), еще два боковыхъ абсида (δεξιὰν ἀψίδα καὶ ἀριστεράν), называвшихся діаконниками (ἐν τοῖς διακονικοῖς). Храмъ на западѣ ограничивался притворомъ внутреннимъ (νάρθηξ), имѣвшимъ нѣсколько входныхъ дверей, изъ коихъ уставъ называетъ только красныя врата (ὠραῖαι πύλαι), и внѣшнимъ (ἐξωνάρθηξ), а вверху покрытъ былъ куполомъ (τρούλλον) съ четырьмя малыми куполами (ἐπιθόλια) по бокамъ. Алтарь

у нашего паломника XIV в. Стефана Новгородца. „Идохомъ, пишетъ онъ, къ Спасу великому монастырю, рекше Вседержителю. Внити во врата первая, и есть надъ враты Спасъ мусією утворенъ, великъ бо образомъ и высокъ, также и въ другія врата внити, тожъ въ монастырь, видѣти зданіе чудно и красно, а церковь мусією удивлена изовну, аки сіяетъ“ (П. Сахаровъ. Сказан. русск. народа. Спб. 1849 т. II, к. VШ, стр. 54). Проф. Н. П. Кондаковъ ошибочно толкуетъ «другія врата» въ смыслѣ дверей „изъ 2-го притвора внутри церкви“ (Визант. церкви и памятники Константинополя стр. 213), такъ какъ Стефанъ Новгородецъ категорически говоритъ о „другихъ вратахъ тожъ въ монастырь“, а не въ церковь.

отъ храма отдѣлялся преградой (μικκλίδες) (стр. 658) и иконостасомъ (τέμπλον), по бокамъ котораго были два небольшіе иконостаса (μικρόν τέμπλον), отдѣлявшіе отъ храма боковые (τὸ δεξιὸν τέμπλον) абсиды. Въ храмѣ находилось нѣсколько иконъ, а именно: въ апсидѣ алтаря иконы Пандократора, Воскресенія и Распятія, въ правомъ апсидѣ—Тайной вечери (ὁ Δεῖπνος), въ лѣвомъ—Умовенія ногъ (ὁ Νιπτήρ), надъ красными вратами—Успенія Богоматери и нѣсколько иконъ въ куполѣ. Кромѣ того иконы были въ иконостасахъ большомъ и въ малыхъ и на двухъ аналояхъ (δύο προσκυήσεις) по бокамъ храма (стр. 660—661). Стѣны заставлены были стасидіями (стр. 659—660), которыя, по указанію епископа, занимались братьями по старшинству. Въ храмѣ для освѣщенія его имѣлся большой хоросъ (ὁ χορός) или металлическій кругъ съ 16 сосудами (κρατήρες) для елея, которые въ большіе праздники замѣнялись поликандилами (πολυκάνδηλα)¹⁾. Предъ иконами висѣли лампы (λαμπάδες), стояли подсвѣчники для одной свѣчи (μανουάλια и κηροπήγια), для трехъ свѣчей (τρικάνδηλον), а въ большіе праздники предъ иконою Спасителя для 12 свѣчей (δωδεκαφώτια), (стр. 660—661).

Второй храмъ во имя Богоматери Милосердой²⁾ по устройству своему сходенъ съ первымъ, но имѣлъ на западной сторонѣ лишь одинъ притворъ, въ которомъ находились мозаическая икона Богоматери (ἐν τῇ διὰ μουσείου εἰκόνι. τῆς

¹⁾ Украшеніе древнихъ византійскихъ храмовъ многочисленными кандилами было въ духѣ своего времени. „Кандиль развѣшено многое множество несчетно въ святой Софїи, пишетъ паломникъ Стефанъ Новгородецъ, иная жъ въ предѣлѣхъ и каморахъ, а иныя въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ и въ улицахъ церковныхъ, идѣже иконы великія стоятъ, и ту кандила съ масломъ деревяннымъ горять“ (Сахаров. Сказан. русск. народа т. II, кн. 8, стр. 52).

²⁾ Обновленіе храма въ честь Богоматери Милостивой положено праздновать 11 числа августа мѣсяца. Въ Синаксарѣ празд-

Ἐλεούσης), противъ нея, надъ самою дверью нарѣикса (ἀνωθεν τῆς πόλης τοῦ νάρθηκος), ведущею въ храмъ, другая икона Предтечи и фїаль (ἕτερα φιάλη) съ текущею водою для народа, присутствующаго за богослуженіемъ. Въ храмъ съ различныхъ сторонъ вели семь дверей, надъ которыми висѣли семь иконъ (ἕτερα κηρία ἑπτὰ, καθ' ἑκάστην δηλονότι εἰκόνα, τὴν ἱσταμένην ἐπάνω τῶν ἐν τῷ ναῷ διαφόρων πύλων, κηρίον ἓν). Изъ нарѣикса черезъ проходъ (ἡ εἰσοδοῦς), закрытый дверью, выходили въ открытыя портики (εἰς τοὺς ἐμβόλους), примыкающіе непосредственно къ городскому портику¹⁾ (τοὺς παρακειμένους τῷ δημοσίῳ ἐμβόλῳ). При храмѣ были устроены и боковыя портики (ἐν τῷ ἑξωτερικῷ τοῦ ναοῦ πλαγίῳ). На площади предъ храмомъ стоялъ фїаль съ водою для усталыхъ отъ пути²⁾. Украшенія храма и обстановка таже самая, что и въ храмѣ Пандократора. (стр. 677—678).

никъ записанъ такъ: Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ τελοῦνται τὰ ἐγκαίνια τοῦ σεβασμίου καὶ περιχαλλοῦς οἴκου καὶ θείου ναοῦ τῆς ὑπερ᾿αγίας Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου τῆς Ἐλεούσης (Συναξαριστής. т. γ'. σελ. 235). Почему храмъ Богородицы Елеусы у проф. Н. П. Кондакова превращенъ въ „монастырь“, и почему его построение онъ относитъ къ XI вѣку (если не ранѣе) (Визант. церкви и памятники Константинополя стр. 72)—все это для насъ не понятно.

¹⁾ О городскихъ портикахъ Константинополя и объ остаткахъ портиковъ храма Богоматери Елеусы см. у проф. Кондакова. Визант. церкви и памят. Констант. стр. 135—137, 211.

²⁾ Если вѣрно угаданы археологами остатки построекъ Пандократорскаго монастыря въ мечети „Зейрекъ-джами“ или „Килиссе-джами“, то они ближе всего относятся къ церкви Богоматери Милостивой, построенной императоромъ Іоанномъ Комненомъ при Пандократорскомъ монастырѣ и украшенной богатыми мозаиками. „Величественный фасадъ церкви“, описываетъ настоящую мечеть проф. Н. П. Кондаковъ, представляетъ высокую стѣну съ 7 глухими арками. Дверь въ средней аркѣ, которая нѣсколько больше размѣрами, ведетъ въ первый или внѣшній нартѣксъ,

Между названными двумя храмами (μεταξὺ τοῦ τοιοῦτου ναοῦ (т. е. Богородицы) καὶ τῆς μονῆς) былъ построенъ на подобіе храма Геркулеса (ἐν σχήματι Ἡρώου) небольшой храмъ (εὐκτήριον) во имя Архистратига Михаила, предназначавшійся служить царскою усыпальницею (стр. 677). Храмъ этотъ былъ круглый съ тремя апсидами: въ двухъ изъ нихъ (εἰς τὰς δύο

теперь крайне темный; пять дверей, ведущихъ изъ этого нартекса во второй, еще сохранили свои косяки изъ пестраго мрамора съ тонкою и сложною профилевою въ видѣ полуколонокъ. Второй нартексъ, еще темнѣе, освѣщается чрезъ двери и особые люнеты, продѣланные надъ дверями. Очевидно, что освѣщеніе перваго притвора нѣкогда было гораздо сильнѣе, слѣдовательно, что *арки фасада были сначала открытыми*, и замурованными лишь впоследствии, быть можетъ, уже при туркахъ. Между тѣмъ оба нартекса были богато отдѣланы и кромѣ мраморнаго пола въ нихъ и теперь можно видѣть выступающія изъ подъ стука части мраморной облицовки... Колоссальное изображеніе «мусіею» по грудь Спаса (у Ст. Новгородца—высокъ) въ люнетѣ надъ дверью и уничтожено было при туркахъ, когда пробили здѣсь два полукруглыхъ окна... Три двери внутренняго притвора ведутъ въ нынѣшнюю мечеть. Она занимаетъ одно правое или южное отдѣленіе—церковь тоже—прежняго храма. *Весь храмъ состоитъ изъ трехъ подобныхъ отдѣленій или церквей...* Получился крайне оригинальный планъ храма, крытаго *четырьмя* куполами, а именно правого и лѣваго крыла—собственно церквей—крытыхъ каждый однимъ куполомъ, и срединной меньшей церкви, крытой двумя... Малые размѣры средней церкви и самая форма указываютъ, что эта церковь играла роль такъ наз. *хора* въ западныхъ церквахъ. Въ правой церкви куполь (безъ барабана) опущенъ при посредствѣ четырехъ парусовъ на колонны, которыя въ нынѣшнемъ оштукатуренномъ видѣ представляютъ романскіе столбы, раздѣланные полуколонками... ихъ капители имѣютъ видъ трапецій, на которыхъ легко различить чаши съ вѣтвями въ видѣ іоническихъ волютъ и окруженныхъ пальметтами... Три арки на западной

тоѣ 'Нрѣου ἀψίδας) находились иконы Распятія и Воскресенія, а въ третьемъ (εἰς τὴν ἑτέραν ἀψίδα) святой гробъ (τὸν ἅγιον τάφον), съ иконою надъ нимъ Христа, являющагося Маріямъ, и имѣлъ купольное покрытие (стр. 681). Въ храмъ къ императорскимъ гробницамъ вела дверь (εἰς τὴν εἰσοδοῦξοδον), надъ которою стояла икона Христа. Кругомъ храма было развѣшено множество сосудовъ с. елеемъ или поликандиль (стр. 678, 681).

сторонѣ открываютъ видъ на *миникуй или хоры*, помѣщающіеся надъ внутреннимъ нартѣксомъ; арки опираются на тонкія мраморныя колонки. И здѣсь, какъ въ гинекеѣ Сергія и Вавха, подъ штукатуркою скрываются *мозаики*. Но отъ всѣхъ украшеній оставлены только мозаическій полъ и облицовка апсиды песчрыми мраморами по рисунку св. Софіи. Три арки, опирающіяся на столбы, открываютъ широко среднюю церковь. Имѣя квадратный планъ, она крыта двумя куполами: одинъ овальный куполъ, расположенный по длинѣ церкви, и другой овальный же, покрывающій абсиду и расположенный поперекъ. Въ алтарѣ любопытны двѣ пролетныя *арки, ведущія въ алтарь жертвенника и ризницу* крытыя полукуполами. Третья церковь или лѣвое крыло по своимъ пропорціямъ (она обширнѣе первой) и устройству купола на четырехъ широкихъ столбахъ любопытна близостью своею къ древне-русскимъ постройкамъ, очевидно, усвоившимъ также и типъ монастырскихъ церквей Византіи. Церковь эта имѣетъ только *одинъ входъ* (въ настоящее время?) *съ сѣверной стороны*, и куполъ, какъ и въ первой, освѣщаетъ и покрываетъ собою ея переднюю часть; алтарь же образуется двумя большими арками и полукупольнымъ сводомъ абсиды. Подъ обнажившеюся штукатуркою здѣсь видны фрески (церковь пострадала недавно отъ стоявшей въ ней воды) и антаблементы изъ краснаго мрамора съ рѣзными пальметтами. Восточныя стѣны церкви весьма характерны по своему строенію и архитектурной декораціи: онѣ столько же напоминаютъ средневѣковыя римскія базилики, какъ и постройки грузинскія; тонкія колонки и здѣсь обрамляютъ аркады вмѣстѣ съ

Въ монастырѣ, по уставу, должно быть не болѣе 80 монаховъ, изъ коихъ 50 постоянно (*ἀδιαπύστως*) пребываютъ въ храмѣ на молитвахъ, а остальные, отличающіеся высокими качествами ума и характера (*τὴν φρόνησιν πολλοί, σεμνοὶ τὸ ἔθος*), украшенные добродѣтелями, ревностные въ исполненіи своихъ обязанностей, назначаются на разныя монастырскія должности. Изъ этихъ лицъ выбираются икономы, еkkлисиархъ, скевофилаксы, хартофилаксы, завѣдующіе больницею (*νοσηρόμος*) и гостинницею (*ξενοδόχος*), а равно дохіарныя и магазинщики (*δοχειαριοὶ καὶ ὠρειάριοι*). Количество церковно-служителей было сравнительно не велико: два dome-

пестрою профилевкою карнизовъ, поясовъ и пр.“ (Визант. церкви и памятн. Константинополя стр. 212—215). Сравнивая это описаніе мечети «Зейрекъ-джами», сдѣланное очевидцемъ и ученымъ археологомъ, съ краткимъ описаніемъ храма Богоматери Елеусы, по нашему памятнику, мы видимъ ясное сходство въ фасадѣ обѣихъ церквей, въ устройствѣ нарѣйковъ, въ количествѣ входныхъ дверей (мы думаемъ, что *седьмая* дверь съ южной стороны нынѣ заложена), въ дѣленіи на три корабля и въ украшеніи ихъ мозаиками, о которыхъ нашъ Типиконъ, при описаніи храма Пандократора, почему то совершенно умалчиваетъ. Другихъ архитектурныхъ и декоративныхъ подробностей нынѣшней мечети, съ такою обстоятельностью описанныхъ Н. П. Кондаковымъ, мы не касаемся, такъ какъ въ нашемъ Типиконѣ для ихъ сопоставленія мы не имѣемъ данныхъ. Замѣтимъ лишь, что существующій въ мечети «Зейрекъ-джами» *инеконъ*, устроенный на западной ѳл сторонѣ надъ внутреннимъ нарѣйкомъ, говоритъ тоже въ пользу нашего предположенія. Въ храмѣ Богоматери Милостивой, куда каждую недѣлю собирался во множествѣ народъ безъ различія пола для агрипній, потребность въ *инеконѣ* была естественная, тогда какъ въ храмѣ Пандократора, по уставу обители, женщины и хотя бы знатныя не допускались никоимъ образомъ, и въ гинеконѣ, слѣдовательно, не было никакой надобности. Монахи стояли въ храмѣ въ стасидіяхъ.

стика, 6 іереевъ, 6 діаконовъ, два канонарха, два парадоместика, и одинъ часовщикъ (ὁ ὠρολόγος). Впрочемъ, количество діаконовъ и іереевъ, по желанію игумена, могло быть и увеличено. Въ штатъ монастырской прислуги міряне не допускались никоимъ образомъ. По уставу, „одни лишь монахи имѣли право обитать въ своемъ раѣ (αὐτοὶ μόναι τὸ οἰκεῖον παράδεισον κατοικήσουσι), воздѣлывать и бранить его“. Въ числѣ прислуги считались помощники епископовъ (παραεκκλησιάρχαι), подъяконы (παροικονόμοι), хлѣбопеки, садовники, повара и др. Четыре человека изъ штата прислуги (ἀπὸ τῆς τῶν δουλευτῶν μοίρας) были назначены на самыя черныя работы (πρὸς τὰς ἐσχάτας διακονίας), или, какъ поправляется составитель устава, „на первыя и богоравныя“ (τὰς πρώτας καὶ ἰσοθέους), а именно: мыть для братіи бѣлье и верхнія одежды, готовить ванны (τὰ σώματα ῥύψουσι τῷ λουτρῶ), прислуживать больнымъ и мыть скалки, тарелки и корчаги (ξέστας καὶ πίνακας καὶ χύτρας) (стр. 671 Сн. стр. 696).

Инымъ образомъ и совершенно на иныхъ началахъ, напоминающихъ, по описанію архіепископа Антонія¹⁾, устройство клира при храмѣ св. Софіи, были составлены штаты духовенства при храмѣ Богоматери Милостивой. Здѣсь полагалось всего 50 клириковъ въ такомъ составѣ: 8 священниковъ, изъ коихъ два поведѣльно представляли остальныхъ священникамъ (πρωτεύσει τῶν λοιπῶν) и считались ста-

¹⁾ „Мануилъ царь, пишетъ нашъ паломникъ, испытывалъ по всей области греческой и повелѣлъ звать всѣхъ поповъ и дати имъ порепиру, (ὀπέρπυρον)... А у святыя Софіи 3000 поповъ: пятьсотъ рупу емлютъ, а полтрети тысящи не емлютъ; а егда же умретъ попъ отъ пятисотъ, то отъ полтрети тысящи выходитъ попъ на мѣсто его. (П. Савваит. Путешеств. арх. Антонія ст. 173—174). Въ этомъ извѣстіи, быть можетъ, есть и преувеличеніе, но сходство въ устройствѣ клира софійскаго и храма Богородицы Милосердой, по нашему памятнику, полное.

рѣйшими, 10 діаконовъ, 2 domestика, два лаосинакта, 16 пѣвцовъ, четыре канонарха, сиротъ или кандилаптовъ (*ὄρφανούς* ¹⁾ *ἤτοι κανδηλάπτας*) 8, и еще 4 сироты сверхъ штата (*περισσοῦς*) на случай, еслибы кто либо изъ штатныхъ кандилаптовъ (*τῶν ἐμβάθρων ὄρφανῶν*) выбылъ (стр. 678). Эти сверхштатные сироты до времени исполняли роль писцовъ и оказывали разнаго рода услуги въ храмѣ многочисленнымъ богомольцамъ, присутствовали за богослуженіемъ въ торжественные дни, принимая участіе въ разнаго рода церемоніяхъ, и наблюдали вмѣстѣ съ женщинами за храмомъ и прилегающими къ нему постройками. Сверхъ штатнаго числа клириковъ, полагались еще *четыре женщины*, почтенныя возрастомъ и благонравныя (*γυναῖκας σεμνάς καὶ κοσμίαις καὶ τῇ ἡλικίᾳ καὶ τῷ ἤθει πενιχωμένας*), на обязанности которыхъ было служить при храмѣ и заботиться о благолѣпіи его, а равно и о находящихся при немъ портикахъ и пристройкахъ (*καὶ τὰ περὶ αὐτόν*). Эти четыре женщины чередовались между собою такимъ образомъ: двѣ служили въ храмѣ одну недѣлю, а двѣ другія слѣдующую, но въ пятницу вечеромъ, когда предполагалось большое стеченіе народа, по случаю бдѣнія предъ иконою Богоматери Одигитрія, должны были находиться въ храмѣ на лицо всѣ четыре для разнаго рода услугъ богомольцамъ (стр. 678). Этихъ-то женщинъ, какъ мы думаемъ ²⁾,

¹⁾ Совершенно тѣмъ же именемъ называются (*τὰ ὄρφανά*) прислужники или кандилапты въ уставѣ св. Софіи константинопольской (стр. 32, 34 и др.) и въ другихъ памятникахъ патріаршаго священнослуженія (стр. 157). Нужно полагать, что кандилапты св. Софіи и другихъ храмовъ Византіи удерживали за собою названіе „*τὰ ὄρφανά*“ или „*οἱ ὄρφανοί*“ потому, что они брались изъ общественаго воспитательнаго дома (*ὄρφανотροφεῖον*), находившагося несомнѣнно подъ покровительствомъ Великой церкви (стр. 18, 84).

²⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: «Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в.». Каз. 1894 г. прим. 105, стр. 403—406.

арх. Антоній и называетъ „мироносицами“¹⁾, по сходству тѣхъ обязанностей, какія выполняли онѣ и въ храмѣ Іерусалима при гробѣ Господнемъ, и въ Константинополѣ во св. Софїи и въ другихъ важнѣйшихъ храмахъ этого города. Всѣ клирики дѣлились также на двѣ череды: одна половина исполняла свои обязанности одну недѣлю, а другая другую (стр. 678).

Требую, чтобы клиръ храма св. Богородицы Милостивой былъ „избранный“ (κλήρον ἐκλελεγμένον, μερίδα τιμίαν, ἀφωσίωμα κάλλιστον) (стр. 657), а священники и діаконы, въ частности, достойны всякаго уваженія (ἀξιολογώτεροι) (стр. 678), императоръ постарался и матеріальный его бытъ всячески возвысить и улучшить. По завѣщанію императора, клиръ получалъ вознагражденіе ругою и хлѣбомъ (ρόγας καὶ ἀννόνας)²⁾ въ такомъ количествѣ: первые два священника по 15 монетъ и перпиръ (ὀπέρπυρα)³⁾ и хлѣба по 25 морскихъ модіевъ, шесть обыкновенныхъ священниковъ по 14 и перпиръ и хлѣба по 25 морскихъ модіевъ, 10 діаконѡвъ по 13 такихъ же монетъ и по 24 морскихъ модіевъ хлѣба, столько же получали два dome-

¹⁾ „И отъ того же олтаря (т. е. надъ гробомъ Анны) недалеко мироносица поютъ, пишетъ арх. Антоній, и стоитъ предъ ними икона велика пречистыя Богородицы держащи Христа; и шли слезы отъ очю ея на очи Христа Бога нашего. И дають воду, иже во олтари, на помазаніе всѣмъ челоуѣкомъ“. П. Савваит. Путешеств. стр. 62—63.

²⁾ Императрица Ирина въ 1114 году опредѣлила въ своемъ уставѣ, чтобы два іеромонаха евнуха, отправлявшіе богослуженіе въ ея монастырѣ, получали продовольствіе (τὸ αἰδέσιμον ἀπὸ τῆς πολιτείας) изъ государственнаго казначейства. Miklos. et Muller. Acta et diplomata monast. et eccles. orientis. t. II, pag. 346.

³⁾ Опредѣленіе цѣнности данной монеты и ея многоразличныхъ видовъ см. у П. Савваит. Путешеств. арх. Антонія въ Царьградъ стр. 173, прим. 295. На наши деньги каждая и перпира стоила около 4 рублей.

стика и два лаосинакта, 16 пѣвцовъ—по 12 иперпирь и хлѣба по 20 морскихъ модіевъ, 4 канонарха по 6 иперпирь и хлѣба по 15 такихъ же модіевъ, столько же получали каждый изъ семи кандилаптовъ или сиротъ, а четыре писца получали по 4 иперпиры и по 12 морскихъ модіевъ хлѣба (стр. 679). Оклады съ теченіемъ времени могли быть и увеличены. Низшимъ служителямъ при церкви платилось понедѣльно (ἐβδομαδικόν) по одной иперпирѣ и въ пятницу за бдѣніе столько же. Къ указаннымъ окладамъ полагались для всего клира прибавки на праздники Благовѣщенія и Срѣтенія по 2 иперпиры въ каждый праздникъ, въ дни поминовенія отца императора, самого императора и его супруги по три иперпиры, а въ дни поминовеній матери и бабки императора— по двѣ иперпиры. Въ случаѣ, если умретъ сынъ императора, царь Алексѣй, и будетъ похороненъ, какъ обѣщался, въ монастырѣ, то, при поминовеніи его, клиръ будетъ получать гонораръ также въ 3 иперпиры (стр. 679—680).

При храмѣ въ честь Архангела Михаила не было особаго клира. Службы совершались главнымъ образомъ монахами монастыря съ участіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и клириковъ храма Богоматери. (стр. 679). Храмомъ этимъ завѣдывалъ еккlesiархъ монастыря, а всѣ заботы о немъ были возложены ктиторомъ на монастырь (стр. 681).

Два различные храма одного и того же монастыря не только имѣли особые штаты клириковъ, но и совершенно различные церковные уставы (ἐκκλησιαστικόν Типикόν). Монастырю императоръ, по обычаю другихъ ктиторовъ, сочинилъ (κατὰ τὸ γεγονός παρ' ἡμῶν ἐκκλησιαστικόν Типикόν) свой собственный Типиконъ (стр. 657, 664), подробное изложеніе котораго намъ остается неизвѣстнымъ, и узаконилъ въ богослужебной практикѣ руководиться имъ, а духовенству храма Богородицы Милостивой вмѣняетъ въ обязанность, при совершеніи богослуженія, держаться, по образцу великаго храма въ дворцѣ, послѣдованія *Анополита*. „Ὁφείλει ψάλλεσθαι ἢ ἀκολου-

θία τοῦ Ἁγιοπολίτου, пишетъ въ Типиконѣ императоръ, κατὰ τὸν τύπον τοῦ ἐν τῷ παλατίῳ μεγάλου ναοῦ“ (стр. 678). Это послѣднее замѣчаніе для насъ въ высшей степени драгоцѣнно. Оно до нѣкоторой степени даетъ ключъ къ разрѣшенію вопроса относительно того, откуда императоръ Іоаннъ Комнень беретъ для клира основаннаго имъ храма Богородицы Милостивой образецъ. Это—съ одной стороны. Съ другой, отсюда мы получаемъ теперь ясное и отчетливое понятіе о томъ, что такое „Ἀκολουθία τοῦ Ἁγιοπολίτου“¹⁾, или „Ἀκολουθία κατὰ τὴν παράδοσιν τοῦ Ἁγιοπολίτου“, или, наконецъ, просто „Ὁ Ἁγιοπολίτης“, выдержки изъ котораго мы часто встрѣчаемъ въ различныхъ богослужебныхъ книгахъ древней Византіи. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ именемъ назывался придворный Церковный уставъ, практиковавшійся и въ нѣкоторыхъ императорскихъ монастыряхъ, какъ, напр., въ Пандократорѣ и, по всей вѣроятности, въ другихъ.

Литургическія подробности Пандократорскаго Типикона не лишены интереса, но, къ сожалѣнію, они главнымъ образомъ касаются суточного богослуженія. Замѣчанія же о годичномъ богослуженіи въ немъ весьма скудны.

Монастырскій день въ обыкновенное время начинался съ полночи, когда братія пробуждались отъ сна для утренняго богослуженія, но въ праздники богослуженіе начиналось еще раньше, въ пятомъ часу ночи. Будитель (ὁ ἀφωπυστής) съ возгласомъ: „Благослови и помолися о мнѣ, отче“, просилъ благословенія у игумена и затѣмъ ударялъ въ великое сбор-

¹⁾ A. Quirinus-Venetus. Diatribae ad prior. part. veteris officii quadragesimalis Graeciae orthodoxae Romae 1721 an , pag. 173—176 и проф. И. Д. Максетовъ Церковн. Устав. стр. 130 знаютъ „о послѣдованіи Агіополита“, но истиннаго смысла и значенія этого послѣдованія въ богослуженіи византійской церкви не выясняютъ.

ное било (μέγα συναχτήριον). Братія по звону собирались въ притворъ храма на полунощницу, во время которой пѣлись „непорочны“ съ раздѣленіемъ на три статьи, при чемъ, послѣ каждой статьи, произносили Трисвятое и два полунощные тропаря съ богородичнымъ (стр. 658).

По окончаніи полунощницы, изъ притвора братія шли въ храмъ, при чемъ каждый, помолившись предъ царскими вратами, становился на свое опредѣленное мѣсто, назначенное ему еkkлисіархомъ. Разговаривать въ храмѣ, начинать пѣніе или чтеніе раньше начальствующаго на клиросѣ, указывать ему, хотя бы кто зналъ порядокъ и лучше, строго возбранялось. Въ крайнемъ случаѣ вопросы дозволялись лишь во время каѳизмъ, но съ соблюденіемъ должной тишины (стр. 660).

Очередной священникъ, остановившись предъ алтаремъ, получаетъ отъ еkkлисіарха кадило и, покадивши трижды предъ рѣшеткою (ἔμπροσθεν τῶν κιχλίδων), удаляется въ алтарь и кадитъ трижды каждую сторону престола. По выходѣ изъ алтаря, священникъ, въ предшествіи ему одного чтеца съ открытою головою и съ лампадою въ рукѣ, отправляется въ храмъ Архистратига Михаила къ императорскимъ гробницамъ, затѣмъ кадилъ икону Пандократора, другія иконы и священныя мѣста въ храмѣ и всѣхъ братій, стоящихъ въ стасидіяхъ. Во время этого кажденія, при жизни императора, монахи должны были пѣть за него Трисвятое и псалмы 19 и 100, что и нынѣ, и тропари: „Спаси Господи“, „Вознесыйся на крестъ“ и богородиченъ: „Скоро предвари прежде поработиши ны“ и 15 разъ „Господи помилуй“. Послѣ смерти императора, чтеніе одного 19 псалма и указанныхъ тропарей было оставлено за здравствующаго императора, а по умершемъ монахи должны были пѣть другое Трисвятое, псаломъ 6, тропарь: „Со святыми упокой“ съ богородичнымъ: „Тя и стѣну и пристанище“ и молитву: „Помяни, Господи, усопшихъ православныхъ нашихъ царей и ктиторовъ“. Послѣ окончанія кажденія храма, священникъ

становился предъ царскими вратами, кадилъ ихъ, произнося возгласъ: „Слава святѣй“ и читалось посрединѣ храма шестопсалміе. Братія безъ шума тихо повторяли слова читаемыхъ псалмовъ. Послѣ шестопсалмія пѣли или „Богъ Господь“ или „Аллилуія“, и затѣмъ читались каѳизмы (стр. 658—659). Ипакои, а равно и другія пѣсни пѣвцы пѣли всегда предъ царскими вратами (стр. 660). Первый часъ присоединялся къ утрени.

Часы третій и шестой предваряли литургію, а девятый совершался послѣ нея (стр. 664).

Для литургіи ¹⁾ готовились просфоры изъ чистой муки (*σμιδάλευος*) въ 4 ексагія на каждый день: двѣ побольше—въ честь Господа и Богоматери, третья въ честь дневного святого и четыре меньшихъ для поминовенія отца, бабки, матери и супруги императора. Изъ этой же муки пекли хлѣбъ и для игумена. Просфоры, разрѣзанныя на кусочки, раздавались монахамъ. По субботамъ, кромѣ того, готовились изъ пшеничной муки (*ἐξ ἀλεύρου*) и другія просфоры для поминовенія главнѣйшихъ членовъ императорскаго дома живыхъ и умершихъ и отдѣльная просфора за внука Алексѣя, сына севастократора Исаака (стр. 662—663). Съ тою же цѣлю по субботамъ устраивались три блюда колива. Просфоры и коливо для поминовеній лицъ императорской фамиліи составляли неотъемлемую принадлежность литургіи и

¹⁾ Въ храмъ Богоматери Милостивой изъ монастырской пекарни (*ἀπὸ τοῦ τῆς μονῆς ἀρτοποιοίου*) для совершенія литургіи отпускалось ежедневно по три просфоры: господская въ два литра изъ семидала и двѣ поминальныя изъ чистой пшеничной муки (*ἀπὸ ἀλεβρου καθαρωτάτου*) такого же вѣса. Изъ монастыря же шло и вино (*νάμα*) для литургіи (стр. 680). Въ храмѣ Архистратига Михаила литургія совершалась трижды въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ и всякій разъ на трехъ просфорахъ въ два литра изъ чистѣйшей пшеницы (стр. 681).

въ дни годовичныхъ поминовеній: въ субботу мясопустную, въ субботу сырную и въ субботу Пятидесятницы (стр. 663). Для поминовенія всѣхъ названныхъ въ уставѣ лицъ императорскаго дома на проскомидіи и литургіи—живыхъ и умершихъ имѣлись въ монастырѣ *дигитиски*. (Тамъ же).

День монастырской жизни оканчивался вечернею и по-вечеріемъ, между которыми, по уставу монастыря, полагался уживъ (стр. 667—668).

Само собою разумѣется, что для насъ гораздо большій интересъ въ научномъ отношеніи должны имѣть тѣ замѣчанія настоящаго Типика, которыя такъ или иначе касаются богослуженія годовичнаго и въ частности богослуженія, совершаемаго въ храмахъ Богоматери и св. Архангела Михаила, по уставу главнаго храма въ императорскомъ дворцѣ. Такихъ замѣчаній, къ глубокому сожалѣнію, весьма немного и, по изложенію, они отличаются краткостію и даже отрывочностію. Но это побуждаетъ насъ тѣмъ выше ставить цѣнность и значеніе этихъ свѣдѣній для исторіи византійскаго церковнаго обряда. И такъ, что же даетъ намъ Пандократорскій Типиконъ въ этомъ отношеніи?

Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить установленное императоромъ торжественное бдѣніе съ панихидою (*ἀγροπνία μετὰ παννυχίδος*) съ вечера пятницы чрезъ всю ночь на субботу каждой недѣли. Эта панихида служилась за здравіе императора и живыхъ членовъ его дома, а равно и за умершихъ. Бдѣнію предшествовала торжественная литанія или крестный ходъ, на которомъ выносились церковныя знамена (*σίγνον*), иконы и главнымъ образомъ икона *Божіей Матери, называемая Одигитрія*¹⁾, чтимая импе-

¹⁾ Это ношеніе иконъ и хоругвей въ крестныхъ ходахъ древней Византіи было дѣломъ весьма не легкимъ. Любопытную картину подобнаго хода съ иконою Богоматери, писанною рукою евангелиста Луки, взятую съ природы, хотя и не безъ прикрасъ и

раторомъ и хранившаяся во дворцѣ¹⁾). Въ совершеніи лита-
ніи принимаютъ участіе клиръ и множество народа обоого
пола. На встрѣчу изъ храма Богоматери выходила торже-

преувеличеній, свойственныхъ «бывалому» человѣку, мы нахо-
димъ у нашего паломника Стефана Новгородца. «Идохомъ во
вторникъ къ святой Богородицѣ поклонитися *выходней иконой*, пи-
шетъ нашъ паломникъ, ту бо икону евангелистъ Лука написа,
понарови самую Госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу;
ту бо икону во всякій вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣ-
ти, како сходится народъ и людіе изъ иныхъ городовъ! Ико-
на-жь та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею
поютъ красно, а народи вси зовутъ: Кирие елейсонъ! съ плачемъ.
*Единому челоуьку на плеча вставятъ раму, а онъ руцъ рас-
простретъ, аки распятъ, также и очи ему запровержутъ(?)*,
*видѣти прозно, по ходбицу мечеть его семо и овамо, вельми
силно повертываетъ имъ, а . . . не помнится, куда его икона но-
ситъ*. Потомъ другій подходитъ, и той тако-жь, тажь третій и
четвертый подхватываютъ, и тѣи вси тако жъ. А они поютъ
пѣніе съ дѣяки великое, и народъ зоветъ: «Господи помилуй!»
съ плачемъ. Два діакона держатъ репиды, а иные кивотъ предъ
иковою. Дивное видѣніе! Три челоуька вставятъ на плеча едино-
му челоуьку, а онъ аки простъ ходитъ изволеніемъ Божиимъ»
(Сахар. Сказан. русск. народа, т. II, кн. VIII стр. 52—53). Оче-
видно, обыкновенное физическое изнеможеніе носильщиковъ было
принято нашимъ набожнымъ паломникомъ за проявленіе осо-
беннаго чуда отъ иконы. Сознавая тяжелый трудъ носильщиковъ
иконы и цѣня его, императоръ Іоаннъ Комненъ не забылъ о нихъ
въ своемъ Типиконѣ. За всякій вышеозначенный крестный ходъ
полагалось выдавать отъ монастыря 50 иперпиръ, изъ коихъ *по
два иперпиры* выдавалось каждому изъ носильщиковъ (*βασταχάριους*)
и служителей (*λοιπὸς δούλευτὰς τῆς ἁγίας εἰκόνας*) св. иконы. (стр.
681—682).

¹⁾ Описывая святыни, хранившіяся въ концѣ XII в. «во цар-
скихъ златыхъ палатахъ», арх. Антоній говоритъ, между прочимъ,

ственная процессія духовенства его и съ глубокимъ благоговѣніемъ и подобающими почестями (μετ' εὐλαβείας ἀπάσης καὶ τῆς προσηκούσης τιμῆς) привѣтствовала крестный ходъ и чтимую

слѣдующее: „И иныхъ святыхъ мощей много во златыхъ полатяхъ цѣловали же есмя, и образъ пречистыя Богородицы Одигитрии, юже святыи апостоль Лука написалъ, юже ходитъ во градъ“ (II Савваит Путеш арх Антонія стр. 33, 94—95) Последнія подчеркнутыя слова даютъ намъ основаніе думать, что икона Одигитрии постоянно находилась во дворцѣ и отсюда торжественно выносилась всякій разъ, когда совершались съ этою иконою литаніи по городу въ тотъ или иной монастырь, въ ту или иную церковь. Арх Антоній знаетъ о монастырѣ въ честь Богоматери Одигитрии, но указываетъ тамъ лишь мощи св. Спиридона, которыя въ въ этомъ «монастыри подъ олтаремъ лежатъ» (тамъ же стр 112), и ни словомъ не упоминаетъ о пребываніи тамъ занимающей насъ иконы. Нахожденію этой иконы во дворцѣ вполне соотвѣтствуютъ и тѣ историческія свѣдѣнія, какія имѣются у насъ объ этой иконѣ, какъ въ описываемое нами время, такъ и въ послѣдующее. Императоръ Іоаннъ Комнень прямо называетъ икону Одигитрии своею собственностію (τὴν θεῖαν εἰκόνα τῆς ὑπεράγυου Δεσποίνης καὶ Θεοτόκου μ.ο.ο 'Οδηγητρίας) (стр. 681) и, по свидѣтельству Никиты Хоніата, питалъ къ ней особенное благоговеніе и почтеніе въ теченіе всей своей жизни. Съ этою иконою онъ ходилъ въ походъ противъ скивовъ и, когда «римскія фаланги изнемогали, онъ, ставъ предъ иконою Богоматери (τὴν τῆς Θεομήτορος εἰκόνα) и умоляющимъ видомъ взирая на нея, проливалъ слезы, болѣе горячія, чѣмъ потъ воиновъ“ (N. Choniat Ioan. Comnen. Genev. 1593 pag 17) и получилъ отъ нее помощь. Послѣ побѣды надъ персо-армянами, императоръ приказалъ устроить для триумфа чудную колесницу, «украсить по мѣстамъ даже камнями, хотя и не самыми дорогими», и впречь четыре прекрасныя лошади, шерстью бѣлѣе снѣга. Самъ царь не взошелъ на колесницу, но помѣстилъ на ней икону Богоматери, такъ какъ она была причиною его радости и восторга, отъ котораго онъ былъ внѣ себя, и ей, какъ непобѣдимой воеводѣ (ὡς σο-

икону. Послѣ этой встрѣчи, все входило въ храмъ, гдѣ народъ и знаменосцы (*τὰ σίγνα καὶ ὁ λαός*) произносили сугубое моленіе „о прощеніи и оставленіи прегрѣшеній кти-торовъ“ и пѣлось по 15 разъ „Господи помилуй“ *παρ' ἑκάστου σίγνου*. Изъ храма Богоматери литанія направлялась въ им-

στратηγῆδι ἀράχφ), вмѣстѣ съ нимъ начальствовавшей надъ войскомъ, онъ приписывалъ побѣды. Назначивъ первымъ при себѣ вельможамъ вести за узду лошадей и *поручивъ близкимъ роднымъ попеченіе* о колесницѣ, онъ самъ пѣшкомъ шелъ впереди, неся крестъ (*Αὐθ̄ сελ. 21*). Но у позднѣйшихъ нашихъ паломниковъ XIV—XV вѣковъ икона Богоматери Одигитріи указывается уже въ монастырѣ ея имени. (Н. Сахар. Сказан. русск. нар., т. II, кн. VIII стр. 52, 61, 72, 101). Не лишнимъ считаемъ при этомъ отмѣтить здѣсь, что у э. хъ паломниковъ монастырь Одигитріи или указывается въ сосѣдствѣ съ Пандократорскимъ монастыремъ, или записывается ими какое-то темное преданіе о пребываніи въ Пандократорскомъ монастырѣ даже самой иконы. Инокъ, напр., Игнатій Смолняниновъ пишетъ слѣдующее объ иконѣ Одигитріи: «Въ 6 (день) поидохомъ къ пресвятѣй Богородици Одигитрія и поклоншеса целовахомъ, и взяхомъ помиризмю и помазахомся радостью (*радостάγματα*). *И идохомъ въ великий честныи монастырь Пандократоръ*» (Прав. Палест. сборн. т. IV, в. III, стр. 8). „Въ Одигитріи, пишетъ современникъ Смолнянинова дьякъ Александръ, есть икона святой Богородицы, выносятъ во всякій вторникъ и творить чудеса, кто съ вѣрою приходитъ и здравіе получаетъ. Писалъ же сію икону Лука евангелистъ. Нѣкогда были иконоборцы(?), и *сохраниша сію икону въ Пандократоръ монастырь* въ сгвнѣ и зажегше кандило предъ нею, 60 лѣтъ не угасло предъ нею“ (Н. Сахаров. Сказ. русск. народа т. II, кн. VIII, стр. 72). Очевидно, въ преданіи народномъ и въ позднѣйшее время хранились отголоски той духовной связи, какая существовала между монастыремъ Пандократора, иконою Божіей Матери Одигитріи и монастыремъ ея имени, и какую установилъ въ анализируемомъ нами Типиконѣ императоръ Іоаннъ Комнень.

ператорскую усыпальницу къ святому гробу (ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν πρὸς τὴν ἀγίαν σορόν) (стр. 679), гдѣ совершались заупокойное Τρισάγιον или краткая литія и моленіе народа о грѣхахъ ктиторовъ съ пѣніемъ „Господи помилуй“ 30 разъ. Икона Богоматери Одигитрії вносилась внутрь храма Архангела Михаила и помѣщалась вблизи императорскихъ гробницъ (πλησίον τῶν τάφων ἡμῶν) (стр. 681), а знамена и прочія иконы или оставались въ храмѣ Богоматери, или даже въ его портикахъ и галлереяхъ, всю ночь освѣщенныхъ кандилами въ фанаряхъ и свѣчами (стр. 678). Манашествующій клиръ Пандократорскаго монастыря и духовенство храма Богоматери совокупно, въ присутствіи многочисленнаго народа, совершали поминальную агрипнію въ теченіе всей ночи, а на утро служили заупокойную литургію (стр. 681). Полный штатъ клириковъ, не исключая кандилаптовъ или сиротъ, исполняющихъ обязанности писцевъ, и женщинъ—мурносицъ, былъ на лицо за этимъ богослуженіемъ (стр. 678). Не освобождались отъ настоящаго бдѣнія служащіе въ богоугодныхъ заведеніяхъ Пандократорскаго монастыря, больные и старцы, способные къ движенію и находящіеся въ богадѣльнѣ его. Послѣдніе проводятъ ночь въ храмѣ Богоматери и вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ поютъ литію, состоящую изъ тропарей: „Помяни Господи, яко благъ, рабовъ твоихъ“, „Со святыми упокой“ и „Предстательство теплое“, изъ сугубой ектеньи съ пѣніемъ „Господи помилуй“ 40 разъ и заключенія: „Богъ да ублажитъ ктиторовъ“ (стр. 685). Храмы Богоматери, съ прилегающими къ нему портиками и галлереями, и Архистратига Михаила были обильно освѣщены, а вокругъ послѣдняго всю ночь горѣли сосуды (κρατῆρες) съ елеемъ или поликандилы (стр. 678). Всѣ присутствующіе за богослуженіемъ имѣли въ рукахъ зажженные большіе факелы (μεγάλα φατλία) или свѣчи. (стр. 685). Послѣ литургіи, богомольцамъ, въ подкрѣпленіе силъ ихъ и какъ поминъ умершихъ, давались коливо, просфоры и вино (тамъ же), а участникамъ въ процессіи, клирикамъ, мо-

нахамъ, служащимъ въ заведеніяхъ, больнымъ и старцамъ—денежныя награды (стр. 681—682, 685 и др.). Затѣмъ, послѣ произнесенія сугубой ектеньи объ императорѣ и пѣнія „Господи помилуй“, крестный ходъ съ иконою Богоматери Одигитрии, въ сопровожденіи также многочисленнаго народа, возвращался изъ монастыря обратно. (стр. 681).

Подобныя литаніи и поминальныя бдѣнія должны были совершаться и въ годичныя поминавенія супруги императора Ирины, его самого и его наслѣдника царя Алексѣя, конечно, послѣ смерти этихъ послѣднихъ двухъ. При этомъ императоръ замѣтилъ, что относительно своего поминавенія онъ составилъ особую секретную бумагу (стр. 681).

Помимо этихъ торжественныхъ поминальныхъ службъ на гробахъ императорской фамиліи, клирики храма Богоматери обязаны были здѣсь каждодневно утромъ совершать Трисвятое, а вечеромъ панихиды за ктиторовъ монастыря. (стр. 681).

Кромѣ поминальныхъ дней, праздновались торжественно храмовые праздники и нѣкоторые другіе дни церковнаго года. Въ храмѣ Богоматери Милостивой съ одинаковымъ торжествомъ праздновались богородичные праздники успенія Богоматери, введенія во храмъ и рождества Богоматери (стр. 680). Въ Пандократорскомъ монастырѣ храмовымъ праздникомъ считался праздникъ Преображенія¹⁾, но, помимо его, по

¹⁾ На праздникъ Преображенія византійскіе императоры совершали торжественные выходы къ вечерни и литургіи въ Пандократорскій монастырь „Κατὰ τὴν τῆς θείας Μεταμορφώσεως ἑορτῆν, говоритъ Куропалата, ἀπέρχεται (ὁ βασιλεὺς) ὡσαύτως εἰς τὴν σεβασμίαν μονῆν τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ Παντοκράτορος» (В. Niebuhr. Corp. Scriptor. Byzantin. Codin. Curopalat De officiis. Bon. 1839 an. pag. 81). По Синаксарю, 4 числа августа мѣсяца въ этомъ же монастырѣ праздновали τὰ ἐγκαινία τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει περιχαλλοῦς καὶ θείου ναοῦ τῆς βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ Παντοκράτορος (Νικοδημ. Ἀγιορειτ. Συναξαριστής, т. γ'. σελ. 222, ἐκδοσ. ὑπὸ Σ. Ῥαφτάνη ἐν Ζακυνθ. 1868 ἔτ.).

Типику, положено было праздновать пасхальную недѣлю, Рождество, Богоявленіе, недѣлю ваіѣ, Пятидесятницу, Благовѣщеніе, три вышеупомянутые богородичные праздника, Срѣтеніе, память трехъ святителей, св. апостоловъ, св. апостола Филиппа, св. Василия великаго, Григорія Богослова и великій четвергъ (стр. 661—662), когда игумень обители совершала омовеніе ногъ всѣмъ старцамъ и больнымъ, находящимся въ богадѣльнѣ и въ больницѣ обители (стр. 689, 695).

Бдѣніе (*ἀγρουπνία*) въ эти праздники начиналось также съ вечера и продолжалось чрезъ всю ночь. Совершалось оно обыкновенно полнымъ штатомъ духовенства и съ особенною торжественностію. Уклоненіе отъ присутствія на богослуженіи въ эти праздники наказывалось штрафомъ или лишеніемъ прибавочнаго жалованья (стр. 680). Торжественность богослуженія, кромѣ того, выражалась въ обильномъ освѣщеніи (*φωταφία*) храмовъ, нарѣисковъ и галлерей посредствомъ поликандиль съ большими свѣчами (стр. 677—678, 661), въ воскурѣніи *ѳиміама*, *ксилалоя* (*ξυλαλόη*)¹⁾, въ употребленіи розовой воды (*ῥοδοστάγματα*), которою поливали руки и лица молящихся (стр. 661), и въ приглашеніи для пѣнія (*χαρίν φαλμωδίας*) голосистыхъ пѣвцовъ со стороны (стр. 680), чтобы они пре-

¹⁾ Употребленіе *ксилалоя* (*aloë syriana* или *asphalta*), какъ смолистаго вещества съ весьма пріятнымъ запахомъ, при богослуженіи византійской церкви, было довольно распространеннымъ обычаемъ. Архіепископъ новгородскій Антоній даетъ намъ любопытную картину его воскурѣнія въ Софійскомъ храмѣ. «Церковь мощена краснымъ мраморомъ, описываетъ онъ этотъ храмъ, а подъ нею дощлеко, и подходятъ человѣцы, и учинено сквозъ мраморъ проходи. И егда внидетъ царь во церковь ту, тогда понесутъ подъ исподъ много *ксилалоя темьяна* и кладутъ не углие, и исходитъ воня проходы тьми во церковь на воздухъ, и наполнится благоуханя вся церковь» (П. Савваит. Путеш. Антоніи въ Царьградъ стр. 93—94).

краснымъ исполненіемъ церковныхъ мелодій доставили эстетическое наслажденіе молящимся, собиравшимся во множествѣ на духовное торжество въ храмы обители. Императоръ, однако, строго возбранилъ монахамъ Пандократорскаго монастыря посѣщенія чужихъ монастырей и мірскихъ церквей съ подобною же цѣлью и называетъ ихъ вредными и позорными (стр. 672). Въ праздники совершалась артокласія, молящимся раздавались вино и коливо (стр. 685), а у воротъ обители хлѣбъ и деньги бѣднякамъ (стр. 661—662). Клирики храма Богоматери и приглашенные къ участию въ богослуженіи получали добавочныя деньги и хлѣбное жалованье, сверхъ положенныхъ по штату (стр. 679—680); не лишались въ эти дни наградъ и служащіе и находящіеся въ монастырскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ (стр. 685).

Порядокъ устройства внутренней монастырской жизни въ Пандократорской обители былъ установленъ императоромъ на началахъ строгаго общежитія (κοινωβία). Признавъ монастырь вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ властей церковной и гражданской (μη ὑπὸ ἐκκλησιαστικῆν ἀρχήν, μη ὑπὸ ἀνακτορικῆν ἐξουσίαν, μη ὑφ' ἑτέραν ἀρχοντικὴν ἐξουσίαν τασσομένη, μόνη τῶν ἑαυτῆς ἀντιποιουμένη) въ распоряженіи всѣмъ, что принадлежитъ монастырю тѣлеснаго и безтѣлеснаго (δίχαλα σωματικὰ ἢ ἀσώματα), императоръ во главѣ его поставилъ игумена (стр. 700, 696, 672), который избирался изъ всего наличнаго состава братства не только кириархическаго Пандократорскаго монастыря, но даже и изъ среды братства подчиненныхъ ему монастырей и его многочисленныхъ метоховъ. Въ виду могущихъ быть среди братства разногласій относительно достойнаго кандидата, по волѣ императора, здравствующій игумень обители избиралъ трехъ кандидатовъ, имена коихъ, въ присутствіи всѣхъ монаховъ, писались на бумажкахъ, которыя потомъ запечатывались и полагались въ скевофилакію. Имена избранныхъ кандидатовъ никому изъ братій не были извѣстны. По смерти игумена, всѣ братія собираются

въ одно мѣсто и предъ ними вскрываются запечатанныя бумажки съ именами кандидатовъ. Если всѣ братія остановятъ свой выборъ на одномъ лицѣ изъ этихъ трехъ кандидатовъ, то это лицо и поставляется въ игумена, но если происходитъ разногласіе относительно личности достойнѣйшаго на осиротѣвшій тронъ, то всѣ братія сходятся въ главный монастырь для усердной и слезной молитвы къ Богу о томъ, чтобы Онъ указалъ достойнѣйшаго править обителью. Въ этомъ случаѣ имена кандидатовъ пишутся на трехъ бумажкахъ, которыя полагаются въ алтарь на престолѣ подъ священными его покрывалами. Всѣ братія въ теченіи трехъ дней совершаютъ панихиды или бдѣнія, вечерни и литургіи. На третій день, послѣ литургіи, посылается въ алтарь неграмотный¹⁾ монахъ (*γράφματα μὴ εἰδώς*), который беретъ съ престола одну изъ трехъ бумажекъ, и имя кандидата, прочитанное вслухъ всего братства на бумажкѣ, рѣшаетъ споръ братства. Этотъ кандидатъ считается избранникомъ Божиимъ. Можетъ, однако, случиться, что изъ числа братства окажется человекъ, который, хотя и не попалъ въ число трехъ кандидатовъ на игуменскій тронъ, но на самомъ дѣлѣ болѣе другихъ достойный этого сана, и за котораго подадутъ голосъ двѣ части (*τὸ διπλάσιον μέρος*) всего наличнаго состава братства, то такого возродятъ на игуменство безъ всякаго избранія. Послѣ акта избранія немедленно совершается хиротонія въ игумена за литургіею, которая служится, съ разрѣшенія патріарха (*διὰ πῖτταχίου πατριάρχικοῦ*), однимъ изъ приглашенныхъ пребывающихъ въ Константинополѣ архіереевъ. Новопоставляемый, какъ знакъ своей власти, получалъ отъ иконы Пандократора игуменскій жезль. (стр. 673—675).

Игуменъ былъ главою монастыря, полновластнымъ господиномъ въ управленіи имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ от-

¹⁾ Въ монастырѣ Михаила Атталіата въ этомъ случаѣ посылался въ алтарь невинный младенецъ (*παιδίον ἄγνόν καὶ ἄχαρον*) Miklos. et Muller. Acta et diplomata monasterior. t. II pag. 310.

цемъ, которому доступны были всѣ внутреннія помышленія подчиненныхъ ему собратій. Каждый инокъ обязанъ былъ открывать всѣ свои думы и внутреннія движенія сердца игумену и получать отъ него необходимое духовное врачеваніе. Не возбранялось, впрочемъ, братіи имѣть духовника и помимо игумена, но изъ среды своего братства и непременно почтеннаго старца, опытнаго въ духовной жизни и получившаго право исповѣдывать братію чрезъ архіерейскую грамоту (*διὰ τῆς ἀρχιερατικῆς σφραγίδος*) (стр. 672—673). Но не смотря на обширныя полномочія, какими былъ надѣленъ императоромъ игуменъ Пандократорскаго монастыря, въ дѣлахъ, касающихся монастыря, онъ, однако, ничего не предпринималъ безъ совѣта съ представительными старцами. (стр. 696). Совѣтъ старцевъ при игуменѣ состоялъ изъ эконома, еклісіарха, хартофилакса (стр. 700, 671), носокома (завѣдывающаго больницей), ксенодоха (начальника гостинницы), дохіарнаго (завѣдующаго вещевымъ складомъ) и оріарія (начальника хлѣбныхъ складовъ) (стр. 696, 671), а также изъ экономовъ всѣхъ подчиненныхъ Пандократорскому монастырю обителей въ другихъ мѣстахъ города и внѣ его (стр. 696). Въ свою очередь и эти представительные старцы не имѣли права ничего дѣлать безъ воли и совѣта съ игуменомъ обители (тамъ же). Въ исключительныхъ случаяхъ и требовавшихъ особеннаго вниманія, по уставу императора, допускались въ этотъ совѣтъ великій друнгарій Никифоръ, протонотарій Никомидійскій Константивъ и доводилось до свѣдѣнія патріарха черезъ особое извѣщеніе (стр. 700).

Игуменъ пользуется полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ, которыя должны были оказывать ему братія во всякое время и на всякомъ мѣстѣ (стр. 670). Какъ несущій на себѣ сложныя и многоразличныя обязанности, игуменъ на общебратской трапезѣ ѣлъ особенный для него испеченный хлѣбъ (*ἡμερέσιον ἀφράτον*), пилъ лучшее вино и въ дни, когда братія вкушали рыбу, имѣлъ десертъ (*ὀψώνιον*) (стр. 675). Въ случаѣ отсутствія или смерти игумена, его мѣсто заступалъ экономъ.

Такъ какъ въ монастырѣ образъ жизни монаховъ былъ строго киновіальный, то братія получали полное содержаніе отъ монастыря. Каждому монаху полагалось выдавать на годъ двѣ рубахи, двѣ пары башмаковъ (*καλίγια ζυγάς δύο*) и одинъ хлопчатобумажный иматій (*ιμάτιον βαμβακηρόν*), заключающій въ себѣ четыре литра хлопчатой бумаги. Кромѣ того, они получали на два года одну мантию и одинъ нагрудникъ (*ἐπιστήθιον*) (стр. 673). Относительно пищевого продовольствія въ уставѣ даются самыя подробныя наставленія, изъ коихъ видно, что столъ монаховъ состоялъ большею частію изъ трехъ блюдъ. Въ праздничные и скоромные дни имъ подавались рыба, яйца и сыръ, а въ постные—черепokoжные, разнаго рода овощи и злаки съ елеемъ. Въ праздники пили вино, а въ постные дни смѣшеніе съ тминомъ (*εὐχρατόν διὰ κумίνου*) (стр. 668—670). Въ большіе праздники полагался десертъ и для братіи (стр. 661).

Обѣдъ въ обители происходилъ непосредственно послѣ литургіи. Получивъ антидоръ (*εὐλογία*), послѣ троекратнаго удара въ древо, братія направлялись въ трапезу съ пѣніемъ псалма: „Вознесу Тя, Боже мой“. Священникъ, совершившій литургію, шелъ впереди всѣхъ монаховъ и, занявъ мѣсто выше остальныхъ на правой сторонѣ стола; про себя произносилъ молитву: „Господи Боже мой, небесный и животворящій хлѣбъ, истинная пища всего міра, направляющій настоящую нашу жизнь и обѣщавшій намъ причастіе будущей, Самъ благослови пищу нашу и питье и сподоби неосужденно причаститися ихъ насъ, славящихъ и благодарящихъ Подателя всѣхъ благихъ даровъ“, послѣ которой, дѣлая крестъ надъ столомъ, заключалъ возгласомъ: „Яко благословися и препрославися всечестное имя Твое“. Братія отвѣчаютъ: „Аминь“. Послѣ того, какъ сядетъ на свое мѣсто, во главѣ стола, игуменъ, садятся за столъ и братія. Священникъ, стоя, возглашаетъ: „Благословенъ Богъ“, и чтецъ на каедрѣ начинаетъ чтеніе. Когда будетъ поставлено на столъ первое кушанье, трапезарь

(ὁ τῆς τραπέζης διακονητής) произноситъ: „Господи помилуй, помолися“. Священникъ благословляетъ принесенную пищу. Игуменьъ начинаетъ] вкушать первымъ, а за нимъ и прочіе братія. Во время перваго кушанья разливается по стаканамъ вино или же теплое питье. Послѣ того, какъ всѣ окончатъ первое блюдо, игуменьъ небольшимъ деревяннымъ молоткомъ (ξολίνῃ σφύρα μικρᾷ) ударяетъ по концу стола три раза. При первомъ ударѣ, братія встаютъ, испрашиваютъ общее благословеніе у игумена и садятся снова на свои мѣста, послѣ чего уже каждый благословляетъ свое питье только знаменіемъ креста. Въ отсутствіи игумена, замѣняетъ его эконоомъ, а когда не бываетъ послѣдняго, то дѣлаетъ тоже очередной священникъ. Благословеніе священника требовалось и для втораго кушанья (ὁ δεύτερος μίνσος) и третьяго, если оно полагалось. Съ дозволенія игумена, въ праздничные дни, при обилии яствъ (παράκλησεως οἰσῆς), полагалось выпивать и еще нѣсколько красовуль. По окончаніи стола, трапезарь приноситъ двѣ корзины: одну для кусковъ, а другую для ложекъ. Игуменьъ и братія съ стихомъ: „Благословенъ Богъ, питай насъ“ бросаютъ куски хлѣба въ коръ и читаютъ молитву: „Господи Боже нашъ, умножи избытки рабовъ твоихъ и насъ помилуй, яко святъ еси нынѣ и присно и во вѣки“. Трапезарь, по знаку игумена, начертываетъ корзиною съ остатками крестъ и произноситъ: „Великое имя“. Братія отвѣчаютъ: „Святая и единосущная и животворящая Троица“. Потомъ игуменьъ благословляетъ всѣхъ, а трапезарь вмѣстѣ съ братіею поютъ: „Милостивый и щедрый Господь“, послѣ чего читаются 121 и 83 псалмы, произносятся благодарственная молитва священникомъ, и всѣ расходятся по келліямъ.

За первую трапезою слѣдовала вторая для прислуживавшихъ за столомъ и для бывшихъ на послушаніяхъ. Никто изъ монаховъ не имѣлъ права брать нищу или что либо изъ съѣдобнаго въ свою келлію (стр. 665—666).

Ужинъ слѣдовалъ непосредственно послѣ вечерни. Монахи входили въ трапезу, послѣ троекратнаго удара въ дерево, съ пѣніемъ стиха: „Ядятъ убозіи и насытятся“ и, по благословеніи священникомъ трапезы, садились за столъ. Ужинъ состоялъ изъ хлѣба, капусты, плодовъ, смотря по времени года, и вина. Порядокъ во время ужина соблюдался тотъ же самый, какой описанъ на обѣдѣ. Послѣ ужина приносилась корзина для укруповъ съ словами: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу“, на что братія въ одинъ голосъ (συνημένως) говорили трижды „Господи помилуй“ и заключали словами: „Господи благослови“. Игумень читалъ молитву: „Христе Боже, умножи укрупы рабовъ твоихъ“ и благословлялъ укрупы. Трапезарь поднималъ корзину и, начертывая ею на игуменскомъ мѣстѣ (πρὸς τῷ ἄκρῳ τῆς τραπέζης) за столомъ крестъ, произносилъ громогласно: „Пресвятая Богородица, помогай намъ“ и затѣмъ читалъ стихъ: „Возвеселилъ ны еси, Господи, въ твореніи твоємъ“¹⁾). Игумень говорилъ заключительный стихъ и давалъ благословеніе епископу ударять къ повечерію. (стр. 667).

Столъ для больныхъ монаховъ отличался иными качествами (ἄρτος καθαρῶ, οἶνον καλλίστον) и въ немъ допускались, по усмотрѣнію игумена, отступленія отъ принятаго въ монастырѣ режима. Въ собственной келліи больной монахъ имѣлъ тщательный уходъ со стороны здоровыхъ братій. Въ случаѣ тяжелой болѣзни, больной помѣщался въ особой больничной палатѣ (τῷ τρικλίῳ τῶν νοσοκομμένων) и пользовался услугами врача, приглашеннаго изъ страннопріимницы, и медикаментами аптеки ея. По нуждѣ, врачъ даже ночевалъ вмѣстѣ съ больнымъ, а поэтому въ палатѣ (τρικλινάριον), кромѣ шести

¹⁾ Описанный нами чинъ дневной и вечерней трапезы, за весьма незначительными особенностями, сходенъ съ подобнымъ чиномъ въ уставѣ патріарха константинопольскаго Алексѣя. Рел. М. Синод. библ. № 330 (380) л. 197—200.

кроватей съ полными приборами для больныхъ, стояла еще особая кровать для врача. По требованію врачей, къ услугамъ больныхъ во всякое время была готова хорошо обставленная всѣмъ необходимымъ монастырская баня (λουτρόν), въ которой могли мыться они сразу въ количествѣ шести человѣкъ, тогда какъ здоровые ¹⁾ монахи были лишены этого удовольствія въ теченіе всего великаго поста (стр. 666—667, 670).

Устраивая свой монастырь съ строго-киновіальнымъ образомъ жизни, императоръ требуетъ отъ монаховъ его неукоснительнаго пребыванія на молитвахъ (ἐν ταῖς προσευχαῖς προσεδρίασιν ἀπερίσπαστων), а поэтому рекомендуетъ имъ постоянно пребывать внутри монастыря, выходить не иначе, какъ по нуждѣ и съ благословенія всякій разъ игумена, къ вечеру непременно возвращаться въ обитель, не посѣщать торжественныхъ богослуженій, внѣ монастыря, не избирать духовниковъ немонастырскихъ и т. д. (стр. 670, 672—673). Чтобы удалить отъ соблазновъ монаховъ, императоръ возбраняетъ входъ въ монастырь женщинамъ, хотя бы послѣднія были и знатнаго рода и безпорочной кизни, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда послѣднія приходили въ монастырь для поминокъ или похоронъ своихъ родственниковъ монаховъ (стр. 671), требуетъ, чтобы никто изъ мірянъ не принимался для услугъ внутри монастыря, не дозволяя въ тоже время посылать монаховъ для работы въ метохи, внѣ обители (стр. 672, 696). Не удивительно по этому, что отъ вступающихъ въ число иноковъ Цандократорскаго монастыря требовался тяжелый (μετὰ ἀκριβοῦς ἐξετάσεως) искусь или испытаніе и богатство (περιούσιον τῆς ἀρετῆς всякихъ добродѣтелей. Изъ другаго монастыря безъ свидѣтельства его игумена никто не принимался (стр. 670).

¹⁾ Здоровые монахи, по уставу Іоанна Комнена, мылись въ банѣ два раза въ мѣсяцъ, а въ посты рождественскій и филипповъ одинъ разъ въ мѣсяцъ (стр. 670).

Императоръ Іоаннъ Комнень, однако, хорошо сознавалъ, что не для всякаго монаха пригоденъ строго общежительный монастырскій режимъ, а посему въ подчиненныхъ Пандократорскому монастырю обителяхъ, находящихся въ городѣ и внѣ его, допустилъ для иноковъ, иной образъ жизни, устроивъ штаты иначе чѣмъ въ главномъ монастырѣ. Такими подчиненными монастырями Пандократорскому монастырю считались: обитель Носсіевъ (Νοσσιῶν), Монокастана (τῆς Μονοκαστάνου), Анѳемія (τῶν Ἀνθεμίου), по ту сторону, противъ города, обитель Мидикарія (τοῦ Μηδικαρίου), Галакринонъ (τῶν Γαλακρινῶν) и Сатира (τοῦ Σατίρου). Изъ этихъ монастырей лишь обитель Носсіевъ имѣла киновіальное, по образцу Пандократорскаго монастыря, устройство, а остальные—*келліотское*, и братія ихъ дѣлились на живущихъ внутри монастырей и внѣ ихъ (ἐσωμονῆται καὶ ἐξωμονῆται). Монастырь Сатира одинъ былъ подчиненъ вѣдѣнію патріарха. Императоръ во всѣхъ этихъ монастыряхъ учредилъ штаты, по которымъ въ монастырѣ Носсіевъ положено было 12 монаховъ и 6 слугъ, въ монастырѣ Монокастана 16 келліотовъ, но непрерывно живущихъ внутри монастыря, согласно уставу, уже выработанному ими прежде; монаховъ келліотовъ на тѣхъ же правахъ жило 12 въ монастырѣ Анѳемія, 6 въ монастырѣ Мидикарія, 6 въ монастырѣ Галакринонъ и 18 въ монастырѣ Сатира. Всѣ эти монастыри обязаны были подчиняться игумену главнаго монастыря, но управлялись особыми экономами. Остатки доходовъ эти обители доставляли главному монастырю, но въ случаѣ недостатка въ чемъ нибудь обращались къ послѣднему за помощію и находили у него полное удовлетвореніе (стр. 675—676).

Но едвали не самыми любопытными для историка страницами анализируемаго Типикона нужно признать тѣ, на которыхъ весьма обстоятельно описываются устроенные императоромъ при монастырѣ страннопріимница съ больницею, домъ призрѣнія для стариковъ и психіатрическая лечебница. Эти

страницы рисуютъ намъ самыми привлекательными чертами филантропическое значеніе древнихъ византійскихъ монастырей¹⁾.

Страннопріимница (ξενών) съ больницею была устроена на 50 кроватей для постоянно находящихся въ ней больныхъ (ἀνακχεκλιμένους ἀρρώστους), изъ коихъ 10 кроватей предназначались для страдающихъ ранами и получившихъ поврежденія, 8 кроватей—для больныхъ глазами, желудкомъ и нѣкоторыми другими острыми болѣзнями, 12 для больныхъ женщинъ, а остальные были предоставлены страждущимъ обыкновенными болѣзнями. Если количество больныхъ ранами, или глазами, или другими острыми болѣзнями не превышаетъ нормы, и остаются мѣста свободными, то они занимаются обыкновенными больными. Каждая кровать должна имѣть коверчикъ (τζόλιον), войлочный тюфякъ (πιλωτόν) съ подушкою одѣяло (ἐφάπλομα), а для зимы два лооникія (δύο λοονίκια). Всѣ эти кровати распределяются между пятью отдѣленіями, при чемъ въ каждомъ отдѣленіи положено было еще по одной сверхъ-комплектной кровати (παρὰκράββατον) на случай, еслибы всѣ мѣста въ больницѣ были заняты и настояла необходимость принять больного по крайности его болѣзни (διὰ τὸ κατεπεῖγον τῆς νόσου). Сверхъ упомянутаго числа кроватей, при больницѣ существовало отдѣленіе на шесть кроватей съ тюфяками, имѣющими по срединѣ отверстія, для больныхъ, неспособныхъ двигаться или по причинѣ остроты и тяжести болѣзни,

¹⁾ Нужно полагать, что императоръ Іоаннъ Комнень въ этомъ отношеніи подражалъ своимъ царственнымъ предшественникамъ. На основаніи свидѣтельствъ византійскихъ историковъ, подобныя филантропическія учрежденія съ такимъ же благоустройствомъ существовали и при другихъ знаменитыхъ монастыряхъ Константинополя, напр., при монастыряхъ св. Георгія въ Манганахъ, Перивлента и др. Н. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI в. Спб 1884 стр 429—431.

или, чаще, по причинѣ тяжелыхъ ранъ. Для больныхъ вообще и страдающихъ тяжкими болѣзнями, въ частности, имѣлись при больницѣ постоянно до 15 или 20 сорочекъ и верхнихъ одеждъ (*ἱμάτια*), въ которыя переодѣваютъ больныхъ, по ихъ поступленіи въ больницу, собственное же бѣлье и одежды ихъ моютъ и выдаютъ по выздоровленіи, при выходѣ изъ больницы. Негодное спальное бѣлье и остальные одежды ежегодно перемѣняются, тюфяки и подушки починяются, шерстяное (*μαλλίον*) расчесывается, разорванныя простыни перемѣняются и снова шиваются для дальнѣйшаго употребленія. Перемѣняемая одежда и постельное бѣлье, если годны къ употребленію, берегутся завѣдывающимъ больницею для больныхъ, а негодное раздается бѣднымъ (стр. 682).

На каждое изъ пяти отдѣленій въ больницѣ полагалось два врача, три штатныхъ фельдшера (*ὀποῦργοὶ ἔμβαστροι*), два сверхштатныхъ (*περισσοὶ ὀποῦργοὶ*) и два служителя (*ὀπηρέται*). Женскимъ отдѣленіемъ завѣдывали два врача, одна акушерка (*ἰατραινα*), четыре фельдшерицы штатныя (*ὀποῦργοισσαι ἔμβαστροι*), двѣ сверхштатныя и двѣ прислуги. Ночью при болѣзняхъ дежурили четыре фельдшера и одна фельдшерица, т. е. по одному лицу въ каждомъ отдѣленіи. Назывались эти дежурные эскувиторами (*ἔξκουβήτορες*). Изъ положенныхъ, по штату, въ пяти отдѣленіяхъ врачей два первые называются *протоминитами* (*πρωτομηνῖται*), два слѣдующихъ за ними *приммикиріями* (*πριμικήριοι*), два помощниками (*ὀπίστοι*) ихъ и одинъ учителемъ врачебнаго искусства. Для приходящихъ больныхъ (*λόγῳ τῶν ἔξωθεν ἐρχομένων ἀρρώστων*) были назначены четыре сверхштатныхъ врача, изъ коихъ два по внутреннимъ болѣзнямъ (*δισιτητικοί*) и два хирурга (*τραυματικοί*). Врачи хирурги приглашались и въ женскую палату (*εἰς τὸ γυναικεῖον*), когда кто либо изъ женщинъ нуждался въ ихъ помощи. Четыремъ врачамъ для приходящихъ больныхъ полагалось имѣть четырехъ штатныхъ фельдшеровъ, четырехъ сверхштатныхъ, изъ коихъ двое посмѣнно дежурили по мѣсяцу въ монастырской больницѣ.

Всѣ врачи дѣлились на двѣ смѣны: одна половина ихъ отправляла свои обязанности одинъ мѣсяцъ, а другая половина слѣдующій. Подобнымъ образомъ исполняли свою должность два протоминита и два приммикирія. Протоминиты посѣщаютъ больницу отъ начала мая до праздника Воздвиженія, непременно каждый день послѣ утренняго псалмопѣнія, причемъ съ тщательнымъ вниманіемъ освѣдомляются о болѣзни каждаго, приписываютъ нужныя лекарства и дѣлаютъ необходимыя распоряженія относительно всѣхъ больныхъ. Въ свою очередь и каждый изъ приммикиріевъ обходитъ также ежедневно всѣ постели, спрашиваетъ со вниманіемъ и заботливостію каждаго больного о томъ, какъ онъ лечится, съ подобающимъ-ли усердіемъ и стараніемъ прислуживаютъ ему лица, на то назначенныя, и старается дурное исправлять, нерадивому дѣлаетъ замѣчанія, и немедленно удаляетъ все то, что совершается вопреки долга. Онъ с. отритъ также за хлѣбомъ для больныхъ и за всѣмъ, что положено имъ выдавать ежедневно. Въ виду этого старшіе врачи, по Типику, и не должны имѣть на рукахъ своихъ отдѣленій, такъ какъ одного этого наблюденія имъ достаточно, вмѣсто всякаго дѣла (стр. 683).

Если изъ приходящихъ больныхъ окажется кто либо серьезно больнымъ, то врачъ, назначенный для приѣма таковыхъ, объявляетъ о немъ приммикирію, по приказанію котораго, приглашается къ больному другой врачъ, болѣе искусный, чѣмъ остальные (*ὁ τῶν λοιπῶν ἐμπειρότερος*). Послѣдній, послѣ тщательнаго діагноза, приписываетъ необходимое лекарство. Изъ числа штатныхъ врачей избирались завѣдующій больницею (*νοσοκόμος*) и старшій (*ὁ μεζότερος*). Имъ вмѣнялось въ обязанность имѣть все необходимое для больницы въ достаточномъ количествѣ и щедро издерживать не только для находящихся въ больницѣ, но и для приходящихъ больныхъ.

Въ виду тѣхъ заботъ и многотрудныхъ обязанностей, какія возложены были императоромъ на врачей больницы и

служащихъ при ней, признано было необходимымъ пополнить штаты (ταγματα τῶν ἰατρῶν) врачей, фельдшеровъ и прочихъ служителей слѣдующими лицами въ такомъ количествѣ: начальникъ аптеки (ἐπιστήμων τοῦ ποιμένου) одинъ, штатныхъ аптекарей (πλημεντάριοι) три, сверхштатныхъ два, одинъ швейцаръ (ὀστιάριος), пять прачекъ (σαπωνίστριαι), одинъ котельщикъ (λεβητάριος), два повара (μάγειροι), одинъ конюхъ (στράτωρ), ухаживающій за мелничными животными и лошадьми врачей, во время ихъ визитовъ, привратникъ (πυλωρός), второй хлѣбникъ (ὀψωνιάτωρ), два священника при больничной церкви, изъ коихъ одинъ, въ силу архіерейской грамоты, имѣлъ право исповѣдывать больныхъ, два чтеца, двѣ булочницы (μαγικίπησσαί), четыре гробокопателя (νεκροθάπται), одинъ священникъ (ἱερεὺς τῆς κηδείας) для совершенія погребенія, одинъ наблюдающій за каналами (καναλοπλότης) и одинъ мельникъ (μυλοχαράκτης) (стр. 684).

Сверхъ указаннаго выше числа врачей, Типиконъ предписываетъ имѣть еще двухъ особыхъ сверхштатныхъ врачей (δύο ἰατροὺς περισσοῦς) для больницы внутри монастыря, въ которой лечились только больные монахи. Врачи эти избирались изъ сверхштатныхъ, положенныхъ по уставу (ἀπὸ τῶν ἐμβραδμιωτέρων περισσῶν), и исполняли свои обязанности въ обители, чередуясь помѣсячно. Служба въ монастырской больницѣ была для нихъ переходною ступенью для полученія высшей штатной должности и бѣльшаго оклада жалованья при страннопрімной больницѣ. Сначала исполняли эти обязанности врачи женскаго отдѣленія, а потомъ сверхштатные врачи другихъ отдѣленій по порядку и старшинству (καὶ ἐν τοῖς ἐξῆς κατὰ προκοπήν). Лекарства, пластыри, разнаго рода вспомогательныя средства и другіе необходимыя для больныхъ предметы въ больницу монастыря доставлялись изъ больницы страннопрімницы. Въ виду этого, чтобы не имѣть никогда отказа, императоръ приказалъ выдавать ежегодно завѣдующему больницею, сверхъ положенныхъ суммъ на больницу, еще 20 монетъ иперпиръ (стр. 686).

На содержаніе пятидесяти человѣкъ больныхъ, четырехъ фельдшеровъ-эскувиторовъ, четырехъ служителей¹⁾, одной фельдшерицы, одной прислуги и котельщика выдавалось ежедневно по одному чистому хлѣбу вѣсомъ въ $\frac{2}{3}$ часть²⁾ морского модія на каждого, на приварокъ (ὄπερ προσφαγίου) всѣмъ вообще отпускался одинъ морской модій бобовъ (φάβας)е и другого сорта бобовъ (ὄσπριου) такой же модій. Если есть горохъ (πίστος), то онъ выдавался въ двойномъ количествѣ (δίμοιρον). На два блюда для приправы полагалось 100 головокъ луку (χρόμμυα) и достаточное количество (τὸ ἀρκοῦν ἔλαιον) елей. Иногда одинъ сортъ бобовъ замѣнялся зеленью или капустою (λάχανα). На вино и десертъ каждому больному ежедневно выдавалось по одному аспру (ἀνὰ τραχὺ νόμισμα ἕν), а въ праздники нѣсколько больше. Въ воскресенье каждый больной получалъ на мыло для бани по три фоллія (φόλλεις τρεῖς) или овола (стр. 685—686), въ субботу, въ качествѣ помина по ктиторамаъ оители, по одному аспру (стр. 685), въ великій четвертокъ, при омовеніи игуменомъ ногъ всѣхъ больныхъ, по одной трикефальной монетѣ (стр. 689) и въ храмовые праздники по одному трахею или аспру (стр. 685).

Что касается годичнаго содержанія больницы вообще, то оно было опредѣлено въ Типикѣ самымъ точнымъ образомъ до мелочей. Елей для приготовленія пластырей и другихъ лекарствъ, для освѣщенія храмовъ и жилыхъ помѣщеній больницы, а равно коридоровъ, отхожихъ мѣстъ, помѣщеній для врачей (εἰς τὴν καθέδραν τῶν ἰατρῶν) и для всего прочаго завѣдующему больницею отпускался въ количествѣ 69 мор-

¹⁾ Служители исполняли свои обязанности поденно, по четыре человѣка каждый день, или по два на каждое отдѣленіе (стр. 687).

²⁾ Около $2\frac{2}{3}$ фунта на нашъ вѣсъ, такъ какъ цѣльный модій равняется нашимъ 40 фунтамъ.

скихъ метровъ, изъ коихъ два метра было стараго елея и два новаго (ὄμφακίνου), медь для лекарственныхъ надобностей и для сыты (σὺν τοῖς χυλαρίοις), которую пили во время праздника Преображенія и перваго ноября, когда праздновалась память св. Безсребренниковъ,—въ количествѣ 50 морскихъ метровъ, уксусъ на разныя надобности—въ количествѣ 40 метровъ и горючій дровяной матеріаль (ξύλινης καυσίμης) для приготовленія кушаній, лекарствъ, соковъ и колива—въ количествѣ 20 писсъ. На покупку ладану и чистаго воску для церквей въ количествѣ 100 литръ опредѣлено было выдавать ежегодно двѣ иперпиры, на благовонное вино (οἶνανθίου)—три богородичныя монеты (θεοτοκία), на покупку чашекъ, тарелокъ—10 аспрь, хирургическихъ инструментовъ (ὕπερ ψυχοχουστήρων)—двѣ богородичныя монеты, на пріобрѣтеніе кандилъ—одну богородичную монету, семидала ежемѣсячно въ количествѣ пяти монастырскихъ модіевъ, сахару на цѣлый годъ въ количествѣ 100 двойныхъ литръ (ζυγικάς λίτρας), трехъ боченковъ (βουτία) винограду, двухъ боченковъ гранатовыхъ яблокъ (ῥοιῶν), четырехъ боченковъ соку изъ дикаго винограду (σταφυλοζώμου ἀγριοσταφυλῶν) для питья во время названныхъ двухъ праздниковъ, ячменя въ количествѣ четырехъ морскихъ модіевъ для приготовленія по одному сладкому ячменному хлѣбцу на каждый день, на покупку свѣчей больнымъ, врачамъ и прочимъ служащимъ при больницѣ въ недѣлю ваій и въ страстную седмицу—по двѣ иперпиры, для заготовки различныхъ лекарствъ, вспомогательныхъ средствъ, пластырей (ἐμπλάστων) и прочаго, не включая сюда ядовитыя лекарственныя вещества (ἀνεὺ τῆς θηριακῆς καὶ τῆς μιδριδάτης), въ началѣ лѣта выдавалось двѣ иперпиры, для двухъ церквей больницы—въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ на просфоры отпускалось 10 морскихъ модіевъ хлѣба и вина 10 морскихъ метровъ. Но этимъ не ограничивалось содержаніе больницы при страннопріимницѣ. Вторымъ послѣ носокома завѣдывающимъ лицомъ въ больницѣ былъ *старшій* (ὁ μεζότερος), который исполнялъ

и обязанности келаря. Ему на содержаніе тойже больницы отпускалось 36 морскихъ метровъ елѣя, изъ которыхъ онъ выдавалъ ежедневно на приправу двухъ купаній (μίνσους) для больныхъ, для теплыхъ ваннъ (λόγφ τῶν ποριῶν), влистровъ (τῶν κλουστήρων) и для всего другаго необходимаго въ больницѣ,—меду для жидкихъ мазей, пластырей и прочаго—50 морскихъ метровъ и 48 морскихъ метровъ въ пищу, уксусу—30 такихъ же метровъ, вина для винограднаго клею, теплыхъ ваннъ и повязокъ (καταπλάσμάτων)—36 метровъ, горчицы (λινοκόκκου) 30 модіевъ¹⁾, соли 30 модіевъ, рису 8 модіевъ, полбы (ζειᾶς) 8 модіевъ, миндалю 18 модіевъ, на покупку мастики, смирны, ладану, аммоніака и прочихъ простыхъ лекарственныхъ веществъ, сверхъ того финиковъ, сливъ, ялицъ, корпій (στουπτείων) и прочаго каждый мѣсяць—по три иперпиры, на приобрѣтеніе ежегодно манной крупы (καταστατοῦ) и студня (τρεμούσης) [въ количествѣ трехъ модіевъ, свеклы и другихъ необходимыхъ припасовъ для соленія—одну иперпирную монету, на два постоянно кипящіе въ больницѣ котла—большой и малый вмѣстѣ съ кухней ежемѣсячно выдается ему дровъ 40 морскихъ писсъ. Помимо всего этого, старшій получаетъ каждый мѣсяць одну колоду для лучины (δαδίου κορμίον ἕν), 12 монастырскихъ модіевъ ячменя для ячменнаго бульона (ὕπερ χυλοῦ πτισάνης), для сухихъ ваннъ (τῶν ξηρῶν ποριῶν), для ячменной муки, ячменной крупы и прочаго, одинъ такой же модій пшеничной муки, полмодія муки изъ бобовъ (φαβατίνου ἀλεύρου), полмодія гороху, чечевицы, проса и четверть модія гороховой муки (ὄροβίνου); на покупку козьего и свиного сала, гусинаго жиру, оленьяго мозгу и тому подобнаго выдается старшему одна иперпира, на покупку двухъ модіевъ маринованныхъ маслинъ цѣльныхъ и битыхъ (ὕπερ ἐλαιῶν κολουβάδων καὶ θλαστῶν), 4 модіевъ

¹⁾ Счетъ всего идетъ на монастырскіе метры или модіи (стр. 688).

изюму, 12 модіевъ смоекъ, 50 литръ розовой воды, пуху для подушекъ (ὕπερ κλοκίων τρουλλίων), наволочекъ (θωρακιστηρίων), посуды (τσοκαλίων), табуретовъ (ξυλοσελλίων), губокъ, опилокъ, отрубей, тряпокъ, гребешковъ и прочаго на годъ—4 иперпиры, на песокъ (χουσπῶν) и чистку больницы, которая должна была производиться служителями два раза въ мѣсяць,—половина иперпиры на годъ, для больничнаго большого камина (ἄρουρα μεγάλη) и двухъ малыхъ—въ хирургическомъ отдѣленіи (εἰς τὸ τραῦμα) и въ женскомъ (εἰς τὸ γυναικεῖον) выдавалось 20 возовъ угля (стр. 687—689).

Годичное жалованье врачамъ и другимъ лицамъ, служащимъ при больницѣ, выдавалось деньгами и хлѣбомъ. Два приммикирія, въ качествѣ руги, получали 4^{1/2} золотыя монеты, существующія въ обращеніи (τὰ κατὰ τὴν ἡμέραν προτιμώμενα πάντων), на приварокъ (ὕπερ προσφαγίου) половину золотой номисмы и хлѣбомъ (ὕπερ ἀννόνας) 45 годовыхъ модіевъ; два первыхъ врача или протоминиты получали подобныхъ 7 номисмъ, на приварокъ половину номисмы и хлѣбомъ 38 модіевъ; два первые хирурга имѣли тоже содержаніе; другіе четыре послѣ нихъ получали по 6 золотыхъ номисмъ, на приварокъ по одной трети номисмы и хлѣба по 36 модіевъ; два врача женскаго отдѣленія получали тоже содержаніе; два монастырскіе врача получали по 4 номисмы, на приварокъ четверть номисмы и 30 модіевъ хлѣба; два врача по внутреннимъ болѣзнямъ и два хирурга, для приходящихъ больныхъ, какъ сверхштатные,—по 4 номисмы, на приварокъ по одной четверти номисмы и по 30 модіевъ хлѣба; завѣдующій больницею—номисмъ 8, на приварокъ двѣ части номисмы, хлѣба 50 модіевъ, ячменя 60 модіевъ и сѣна одну хиліаду; женщина врачъ (акушерка) вмѣстѣ съ приваркомъ—3 золотыхъ номисмы и 26 модіевъ хлѣба; два помощника (δύο ἐπίτροποι)—по 3 номисмы, на приварокъ по 1/6 номисмы и 28 модіевъ хлѣба; старшій (ὁ μεζότερος), исполнявшій и обязанности келаря—4 номисмы, на приварокъ 1/2 номис-

мы и 46 модіевъ хлѣба; начальникъ аптеки (ὁ ἐπιστήμων τοῦ πηρέντου)—три съ половиною и одною третью золотой номисмы (νομίσματα ὅμοια τρία ἡμισυ τρίτου), на приварокъ $\frac{1}{6}$ номисмы, на вино и приварокъ для аптекарей, когда они заняты приготовленіемъ лекарствъ, денегъ 25 оводовъ или трахеевъ, хлѣба 42 годовыхъ модіа, на сита одну богородичную номисму и въ маѣ мѣсяцѣ для ботаника (λόγω τοῦ βοτανολογίου) или собирателя травъ—шесть старыхъ иперпиръ и хлѣба девять модіевъ; 16 штатнымъ фельдшерамъ съ четырьмя фельдшерницами выдавалось по $2\frac{1}{2}$ новыя номисмы, находящіяся въ употребленіи, на приварокъ по $\frac{1}{6}$ номисмы и хлѣба по 24 модіа; 8 сверхштатнымъ фельдшерамъ и фельдшерницамъ—по 2 подобныя номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{12}$ номисмы и хлѣба по 20 модіевъ; тремъ штатнымъ аптекарямъ—по $3\frac{1}{3}$ подобныя номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{6}$ номисмы и хлѣба по 24 модіа; двумъ сверхштатнымъ аптекарямъ—по $2\frac{1}{2}$ номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{12}$ номисмы и хлѣба по 20 модіевъ; тоже самое содержаніе получаютъ и 4 сверхштатны фельдшера, которые присутствуютъ при приѣмѣ входящихъ больныхъ и прислуживаютъ въ больницѣ монастыря; 3 служителей и 3 женскія прислуги¹⁾ получаютъ по 4 номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{4}$ номисмы, хлѣба по 30 модіевъ и мѣсячнаго жалованья каждый мѣсяцъ по 8 трахеевъ или оводовъ; два священника съ приваркомъ—по 6 номисмъ и хлѣба по 25 морскихъ модіевъ, вина по 28 подобныхъ метровъ, и мѣсячнаго каждый изъ нихъ получалъ четыре трахея; два чтеца съ приваркомъ—по 3 иперпиры новыя, хлѣба по 12 морскихъ модіевъ, вина по 9 метровъ и помѣсячно каждому выдава-

¹⁾ На обязанности женской прислуги лежало, кромѣ ухода за больными, дѣлать мази, готовить пластыри и имѣть попеченіе о неугасимыхъ лампадахъ въ церкви больницы, объ освѣщеніи всего больничнаго зданія со всѣми принадлежащими ему службами (стр. 678).

лось по 4 номисмы; швейцарь, въ качествѣ руги съ приваркомъ, получалъ три новыя номисмы, хлѣба 24 годовыхъ модіа и мѣсячнаго каждый мѣсяцъ четыре трахея; котельщикъ—три подобныя номисмы, на приварокъ $\frac{1}{4}$ номисмы, хлѣба 30 подобныхъ модіевъ и помѣсячно четыре трахея; два повара съ хлѣбникомъ—по 3 номисмы съ приваркомъ, хлѣба по 30 подобныхъ модіевъ и помѣсячно по 4 трахея; пять прачекъ по $1\frac{1}{2}$ номисмы, хлѣба по 12 подобныхъ модіевъ и помѣсячно по 4 номисмы (трахея), и сверхъ сего каждое воскресенье на мыло для мытья бѣлья больныхъ, лежащихъ въ больницѣ, по 12 фолліевъ; священникъ для погребеній съ приваркомъ получалъ 3 новыя номисмы, хлѣба 20 модіевъ, ежемѣсячно по 4 трахея; 4 гробокопателя—по 2 подобныя номисмы, хлѣба по 12 модіевъ; привратникъ— $2\frac{1}{3}$ новыя иперпіры, на приварокъ одну шестую номисмы и хлѣба 25 годовыхъ модіевъ; два булочника (*δύο μαγειρες*)—по 4 иперпиры, на приварокъ по одной номисмѣ и хлѣба по 30 годовыхъ модіевъ; конюхъ, ухаживающій за мельничными лошадьми и исправляющій обязанности вучера, во время визитовъ врачей, — 4 подобныя иперпиры и хлѣба 24 подобныхъ модіа, къ тому же для продовольствія трехъ мельничныхъ лошадей выдается ему ячменя 547 годовыхъ модіевъ, сѣна три хиліады и достаточное количество мякины (*ἄχυρον*). Для печенія хлѣбовъ больнымъ и призрѣваемымъ старцамъ ежегодно отпускалось дровъ 180 морскихъ писсъ, на сита для булочной ежегодно по 2 богородичныя номисмы, для корытець (*σκαφιδίων*), льняныхъ покрывалъ и всего прочаго обихода,—три другія богородичныя номисмы. Мельникъ при двухъ мельницахъ (*ἐργαστήρια*) получалъ 2 иперпиры и хлѣба 16 годовыхъ модіевъ, а при одной половину всего; наблюдающій за каналами (*καναλοπλότης*)—2 новыя иперпиры, на приварокъ $\frac{1}{6}$ подобной номисмы и хлѣба 25 монастырскихъ модіевъ; точильщикъ (*ἀκονητής*), который обязанъ былъ открывать кровь (*φλεβοτομεῖν*) больнымъ и заботиться о чистотѣ врачебныхъ

инструментовъ (*τὰ ἰατρικὰ ἐργαλεῖα*), находящихся въ больницѣ, такъ какъ въ больницѣ должны быть непременно всякаго рода ланцеты (*φλεβότομα*), желѣза для прижиганія ранъ (*σίδηρα καυστήρων*), кауетиръ (*καυτήρ*), инструменты для зубовъ (*ὀδοντάγρα*), желудка, головы и прочіе необходимые на всякій случай, а также мѣдные рукомойники по одному для каждаго отдѣленія, въ коихъ врачи омывають руки послѣ операций, — получалъ полторы новыя иперпиры и хлѣба 12 годовыхъ модіевъ; дровосѣкъ (*κηλότομος*)—3^{1/2} новыя иперпиры, на приварокъ ^{1/2} и хлѣба 30 годовыхъ модіевъ; лудильщикъ (*ὁ χαλχοματᾶς*) и бондарь (*ὁ καδδαρᾶς*) получаетъ 2 подобныя иперпиры и хлѣба 20 модіевъ¹⁾ (стр. 689—692).

Врачи больницы и фельдшера съ фельдшерицами, кромѣ годовыхъ окладовъ, получали еще опредѣленные мѣсячные. Всѣмъ имъ ежемѣсячно выдавалось по пяти трикефальныхъ (*триκέφαλα*) номисмъ. Врачу протоминиту за помощь, оказываемую имъ приходящимъ больнымъ, выдавалась одна такая же трикефальная монета, а фельдшеръ иль-экскувиторамъ — 36 номисмъ трахеевъ. Сверхъ всего того, въ храмовые монастырскіе праздники, въ другіе торжественные дни года и въ дни царскихъ поминовеній были добавочныя наградныя деньги для всего состава служащихъ лицъ въ больницѣ. Въ храмовой праздникъ Преображенія Господня въ монастырѣ врачамъ и прислугѣ выдавалось 50 номисмъ трахеевъ и 920 тетартировъ (*νομισματα τραχέα πεντήκοντα καὶ τεταρτηρὰ ἐνεακόσια εἶχουσιν*); въ праздникъ Срѣтенія—309 номисмъ тетартировъ; въ 1 число ноября мѣсяца, когда празднуется память патроновъ медицины св. врачей безсребренниковъ Космы и Даміана—15 монетъ трахеевъ; въ великій четвергъ, когда игумень омываетъ ноги, врачамъ и всей прислугѣ, выдава-

¹⁾ Въ уставѣ прямо опредѣляется, что 5 монастырскихъ модіевъ и метровъ равняются четыремъ морскимъ, годовыя (*ἀννομικά*) три модія—двумъ морскимъ (стр. 694).

лось 42 трахея (стр. 592), и на свѣчи, сверхъ того, три иперпиры (стр. 689); въ каждую субботу, когда совершалось царское поминовеніе, врачи и больничная прислуга получали четыре номисмы иперпиры; въ началѣ каждаго мѣсяца на коливо и просфоры по 6 модіевъ хлѣба, что въ годъ составляло 72 монастырскихъ модія; въ три поминальныя субботы, т. е. въ мясопустную, сыропустную и Пятидесятницы, ради поминовенія братій, скончавшихся въ этой больницѣ, врачи и прислуга больницы всякую субботу получали хлѣба по 15 монастырскихъ модіевъ и деньгами по 250 фолліевъ (стр. 685).

Принимая во вниманіе всѣ эти получки и прибавки къ жалованью, а равно и то, что врачи, служащіе при больницѣ, пользовались даровою квартирою, освѣщеніемъ (стр. 687) и даже монастырскими лошадьми (стр. 684 — 691), не удивительно нисколько, что императоръ совершенно возбранилъ имъ частную практику внѣ города, а особенно визиты къ лицамъ высокопоставленнымъ, начальственнымъ и приближеннымъ къ императору, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда послѣдуетъ на это распоряженіе самого государя. Это дѣлалось императоромъ, съ одной стороны, въ виду того, чтобы врачи оставались всегда на своемъ посту при больницѣ и не довѣряли бы больныхъ кому либо изъ своихъ подчиненныхъ (*διὰ σουπέρωσιν τινὰ τῶν ἰατρῶν*), а съ другой, чтобы врачи эти не злоупотребляли больничными лекарствами, выдавать которыя на сторону строго возбранялось (стр. 693).

Попечительность свою о врачахъ императоръ простеръ до того, что взялъ на себя заботу даже о дѣтяхъ ихъ. Въ видахъ обученія ихъ врачебному искусству, онъ открылъ при больницѣ неоффиціальную школу (*οὐ γὰρ ὡς ὀφφικίον τοποῦται παρ' ἡμῶν τὸ διδασκαλίον*) и назначилъ въ нее изъ опытныхъ врачей больницы учителя, который въ жалованьѣ былъ уравненъ во всемъ съ завѣдующимъ больницею, чтобы тѣмъ самымъ побудить его усердно и прилежно исполнять возложен-

ныя на него обязанности. Достойнаго и усерднаго учителя императоръ рекомендуетъ награждать, небрежнаго въ исполненіи своей обязанности наказывать лишеніемъ жалованья и даже совершенно удалять отъ должности, съ замѣною другимъ болѣе старательнымъ (стр. 693).

При больницѣ въ отдѣленіяхъ мужскомъ и женскомъ были устроены церкви¹⁾, въ которыхъ для больныхъ совершались литургіи по средамъ, пятницамъ, субботамъ и воскресеніямъ, а также и праздничные дни (стр. 689); имѣлись двѣ мельницы, на которыхъ работали три лошади, булочная (μαγειτεῖον) (стр. 686), а равно и другія заведенія, полезныя въ большомъ хозяйствѣ, какъ напр., слесарня, кузница, бѣндарня (стр. 692), баня, хорошо обставленная всѣмъ необходимымъ (стр. 670), и проч. Баня для больныхъ, по требованію врачей, была всегда готова къ услугамъ ихъ. Они посѣщали ее въ сопровожденіи фельдшеровъ и достаточнаго количества прислуги. Обыкновенно больные мылись въ банѣ два раза въ недѣлю (стр. 686).

Вторымъ филантропическимъ учрежденіемъ при Пандократорскомъ монастырѣ была богадѣльня (γυροκομείον) для увѣчныхъ, хромыхъ, безпріютныхъ и безпризорныхъ стариковъ въ количествѣ 24 лужчинъ. Сюда, по волѣ императора, не могли принимать стариковъ здоровыхъ, мужчинъ сильныхъ, монаховъ монастыря, людей знатныхъ господъ, или принадлежащихъ церкви, или рабовъ, однимъ словомъ, лицъ, способныхъ къ труду и могущихъ снискивать себѣ пропитаніе. Каждому изъ призрѣваемыхъ старцевъ полагалось ежегодно выдавать 20 морскихъ модіевъ хлѣба, 18 такихъ же метровъ вина, 2 модія бобовъ, 50 литръ сыру, одинъ морской метръ елея, три морскія писсы дровъ, а въ качествѣ руги и на одеж-

¹⁾ На содержаніе этихъ больничныхъ церквей императоръ приказалъ отпускать въ годъ для просфоръ 10 морскихъ модіевъ хлѣба и вина 10 такихъ же метровъ. (стр. 688).

ду—2 номисмы иперпирь. Въ дни поминовеній царской фамилии и въ праздники они получали прибавку наравнѣ съ тѣми, которымъ была выдача у воротъ обители, а въ великій четвергъ, послѣ омовенія ногъ старцамъ, игумень раздавалъ по одной иперпирѣ на восемь человекъ, т. е. три иперпирь на всю богадѣльню.

Главнымъ надзирателемъ въ богадѣльнѣ былъ благочестивѣйшій (ὁ τῶν πολλῶν εὐλαβέστερος) монахъ обители, который обязанъ былъ со всякимъ стараніемъ наблюдать за прирѣвваемыми. Въ распоряженіи завѣдующаго богадѣльнею были шесть служителей, когорые за свой трудъ получали, въ качествѣ руги,—по 2 иперпирь, хлѣба по 20 морскихъ модіевъ, вина по 16 такихъ же метровъ, на приварокъ по 2 морскихъ модія бобовъ и сыру 50 литръ.

При богадѣльнѣ была церковь и свой особый священникъ. На содержаніе церкви (τοῦ εὐκτηρίου) положено было 2 морскихъ метра елея, вина 6 метровъ, на просфоры хлѣба 6 морскихъ модіевъ, воску 24 литры и оиміама 6 литръ. Священникъ богадѣльни съ приваркомъ получалъ 6 иперпирь, хлѣба 24 морскихъ модія, вина 18 метровъ, а чтецъ половину священническаго содержанія.

Прирѣвваемые два раза въ мѣсяцъ мылись въ банѣ больницы. Въ случаѣ болѣзни кого либо изъ старцевъ, по заявленію священника богадѣльни, приглашали изъ больницы врача или же фельдшера, и принимались мѣры къ облегченію страждущаго. Въ случаѣ тяжелой болѣзни, старца переводили въ больницу, гдѣ онъ находился до полнаго выздоровленія, когда снова возвращался въ богадѣльню. (стр. 694—695).

Умершихъ въ больницѣ и богадѣльнѣ хоронили или въ общей усыпальницѣ (ἐν τῇ κοινῇ ἀποθέσει τῶν σωματίων) при церкви св. апостола Луки¹⁾, или въ другихъ усыпальницахъ

¹⁾ О кладбищѣ при этой церкви упоминаетъ арх. Антоній въ своемъ путешествіи. «И странъ того (т. е. мощей св. Кира и Іоанна)

города и по ту его сторону (καὶ ἐν ταῖς πέραθεν), поэтому императоръ Іоаннъ Комненъ приказалъ устроить въ монастырѣ Мидикарія, находящемся напротивъ монастыря Пандократора (ἐν τῇ πέραθεν ἡμετέρα μονῆ τοῦ Μηδικαρίου), на землѣ его величиною въ 2 модія, усыпальницу съ храмомъ (εὐκτήριον) и окружить ее со всѣхъ сторонъ глиняною стѣною, покрытою оловомъ, съ одною лишь дверью для входа на кладбище. Въ этомъ храмѣ-усыпальницѣ одинъ изъ монаховъ монастыря Мидикарія въ пятницу долженъ совершать вечерню съ панихидою, а въ субботу заупокойную литургію по всѣмъ усопшимъ братіямъ. За свой трудъ онъ не получалъ особеннаго вознагражденія, кромѣ положеннаго по штату, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда на это послѣдуетъ специальное распоряженіе погребаемыхъ на данномъ кладбищѣ. На содержаніе храма изъ монастыря Пандократора выдавалось ежегодно 12 литръ воску, полтора антонического метра елея, 6 литръ ладану, на просфоры 6 монастырскихъ модіевъ хлѣба и столько же метръ вина (стр. 693—694).

Для братій, страдающихъ душевно (τῶν κατεχόμενων τῇ ἰερᾷ νόσῳ), императоръ устроилъ психіатрическую лечебницу—третье многогодное заведеніе. Такъ какъ часть города, гдѣ находился Пандократорскій монастырь, была густо населена жителями, то мѣсто для ея построенія избрано императоромъ вдали отъ города. Это дѣлалось, съ одной стороны, чтобы доставить больнымъ необходимые покой и тишину (εἶναι αὐτοῖς ἀνενόητον), а съ другой, удалить отъ глазъ сосѣдей, обитателей данной мѣстности, такихъ больныхъ, которые своимъ поведеніемъ могутъ причинять беспокойство и слу-

церкви святаго Луки, пишетъ нашъ паломникъ, идѣже *всѣхъ умершихъ погребаютъ*» (П. Савваит. Путеш. въ Царьградъ стр. 122). Находилась эта церковь, построенная царицею Ириною Авиньянкою (780—802), въ XII части города, недалеко отъ монастыря св. Мокія (тамъ же стр. 122, прим. 155, 159).

жить причиною соблазнительныхъ сценъ. Заботу объ этой лечебницѣ и продовольствіи въ ней больныхъ императоръ возложилъ на монастырь. (стр. 695).

Въ виду особенныхъ условій монастырской жизни описываемой обители и тѣхъ широкихъ филантропическихъ цѣлей, какія, по мысли царственнаго ктитора, она должна была преслѣдовать и исполнять, императоръ Іоаннъ Комнень, его покойная супруга Ирина и родственники императорской фамиліи позаботились обезпечить ее богатыми вкладами, припискою монастырю земель и угодій, приносящихъ хорошіе доходы. Типикъ императора Іоанна Комнена, данный монастырю въ 1136 году, подробно перечисляетъ многочисленныя имущественныя достоянія обители Пандократора и ея доходы. Эти достоянія состоятъ изъ пригородныхъ земель (τὸ προάστειον), дачь (ἡ ἐπίσχεψις), гостинницъ (ξενοδοχεῖον), имуществовъ (ὕποστασις), домовъ съ квартирами (οἶκος μετὰ καὶ τῶν ἐνοικιῶν αὐτοῦ), полей (χωράφιον), виноградниковъ (ἀμπελώνων), мѣстечекъ или деревень, отдаваемыхъ подъ военные постои (χωρίον σὺν τοῖς προσκαθημένοις ἐκεῖσε ἐστρατευμένοις), соленыхъ варницъ (ἀλῆκαί), торговыхъ рынковъ (ἐμπορεῖον), изъ десятинъ съ кабачковъ (ἡ δεκατεία τῶν οἰναρίων), бань (τὸ λουτρόν), изъ деревень съ крестьянами (τὸ χωρίον σὺν τοῖς ἐκεῖσε προσκαθημένοις παροίκοις), изъ мельницъ (μυλῶνων), изъ цѣльныхъ благоустроенныхъ имѣній (κτῆματα), изъ доходовъ съ монастырей, подчиненныхъ Пандократорской обители, изъ дани (τὰ τελέσματα) митрополій Патрской, епископіи Меѳонской, монастыря Моловотійскаго (τῆς μονῆς Μολιβωτοῦ) и т. д. (стр. 697—699). Мы, къ сожалѣнію, не можемъ точно указать, гдѣ находились все владѣнія Пандократорской обители и опредѣлить имущественную ихъ цѣнность, но изъ Типика видно, что они были пригородныя, городскія, но большею частію иногороднія, какъ напр., въ Солунѣ, Аѳинахъ, Патрахъ и другихъ городахъ и на многочисленныхъ островахъ Средиземнаго

моря. Съ теченіемъ времени, при преемникахъ императора Іоанна Комнена, метохи обители значительно увеличились, а, слѣдовательно, и матеріальныя средства ея постоянно возрастали.

А. Дмитріевскій.